

Еще один замечательный,
умный роман с совершенно
неожиданным поворотом
сюжета.

Women & Home

ЕСЛИ БЫ
ТЫ БЫЛ
ЗДЕСЬ

РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт
Если бы ты был здесь

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Пиколт Д.

Если бы ты был здесь / Д. Пиколт — «Азбука-Аттикус», 2021

ISBN 978-5-389-21978-6

Будущее Дианы О’Тул распланировано на годы вперед: успешная карьера, двое детей, огромный загородный дом... И хотя все идет по плану, девушку не покидает ощущение, что она топчется на месте. У нее есть хорошая работа, но пока нет карьерного роста. Есть любимый человек, но пока нет семьи. И все же Диана надеется получить предложение руки и сердца во время романтической поездки на Галапагосские острова. Однако жизнь вносит свои коррективы. Начинается эпидемия ковида, и Финн, бойфренд Дианы, который работает врачом, остается в Нью-Йорке. Девушке приходится ехать одной. Но как только она оказывается на Галапагосах, там объявляют карантин. Полностью изолированная от мира, с редкими новостями из дома, вышедшая из зоны комфорта, Диана пересматривает свои отношения с Финном, свою карьеру и свое прошлое, задаваясь мучительным вопросом, правильно ли она живет. Проблема лишь в том, происходит все это на самом деле или в параллельной реальности... Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21978-6

© Пиколт Д., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джоди Пиколт

Если бы ты был здесь

Jodi Picoult

WISH YOU WERE HERE

Copyright © 2021 by Jodi Picoult

This edition published by arrangement with Ballantine Books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

All rights reserved

© И. Е. Лебедева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джоди Пиколт – автор 27 романов, лауреат свыше десятка литературных премий, в том числе «The New England Bookseller Award», «The Margaret Alexander Edwards Award», «New Hampshire Literary Award» за выдающиеся заслуги в области литературы, а также номинант престижных премий «IMPAC Dublin Literature» и «British Book Award». Ее книги переведены на 34 языка и проданы суммарным тиражом более 14 миллионов экземпляров по всему миру!

Джоди Пиколт получила степень бакалавра в области творческого письма в Принстоне и степень магистра в области образования в Гарварде. Она живет в Нью-Гемпшире со своим мужем и тремя детьми.

* * *

«Если бы ты был здесь» – еще один пример того, почему Пиколт так увлекает... На основе опыта, который мы все пережили за последние два года, Джоди Пиколт эмоционально и трогательно показывает силу людей перед лицом страха.

Magic Radio Book Club

Умная и эмоциональная, очень интересная книга, в которой переломные моменты жизни рассмотрены на фоне глобального кризиса.

Irish Times

Еще один замечательный, умный роман с совершенно неожиданным поворотом сюжета.

Women & Home

* * *

Посвящается Мелани Боринштейн, которая скоро станет новым членом нашей семьи.

Ты стала отличным помощником в организации моего карантинного книжного клуба.

Согласно «Происхождению видов...» Ч. Дарвина, выживает не самый сильный и не самый умный, а тот, кто лучше всех приспосабливается к изменениям.

Проф. Леон Меггинсон¹

---

¹ Долгое время цитата ошибочно приписывалась Чарльзу Дарвину. Однако она не встречается ни в книге «Происхождение видов путем естественного отбора», ни в письмах ученого. Истинный автор выражения – профессор Леон Меггинсон. Таким образом он сослался на Дарвина в своем научном труде «Письма из Европы...» в 1963 г. Фраза передает центральную мысль «Происхождения видов...», а ученый в своем труде честно делает ссылку на Дарвина. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Часть первая

Глава 1

13 марта 2020 года

В возрасте шести лет я нарисовала уголок неба. Мой отец работал реставратором и был одним из немногих, кто восстанавливал роспись плафона главного вестибюля вокзала Гранд-Сентрал в Нью-Йорке, – аквамариновое небо, усеянное мерцающими созвездиями. Было уже поздно, мне давно пора было спать, но отец отвез меня на свою работу, потому что мамы, как обычно, не было дома.

Он помог мне осторожно взобраться на строительные леса. Я наблюдала, как он работает над расчищенным участком бирюзовой краски. Я разглядывала скопление звезд Млечного Пути, золотые крылья Пегаса, поднятый меч Ориона, изогнутую бечевку, связывающую Рыб. По словам отца, плафон был расписан в 1913 году. Однако протечки на крыше повредили слой штукатурки, и в 1944 году рисунок был перенесен на панели, которые затем прикрепили к сводчатому потолку. Изначально в ходе реставрации планировали удалить панельные доски, но в них содержался асбест, и поэтому реставраторы не стали их снимать, а вместо этого принялись ватными тампонами с чистящим раствором удалять десятилетия загрязнений с красочного слоя.

Им удалось обнаружить историю. Среди созвездий были спрятаны подписи, шутки, понятные только работавшим над плафоном художникам, и различные пометы. А еще даты свадеб и день окончания Второй мировой войны. Имена солдат. Недалеко от созвездия Близнецов они нашли запись о рождении двойни.

Художники, расписывавшие потолок в начале прошлого века, допустили ошибку: карта созвездий вышла перевернутой, если сравнить ее с реальными звездами в ночном небе. Однако, вместо того чтобы исправить неточность, мой отец, казалось, лишь намеренно выпячивал это несовершенство изначального рисунка. В ту ночь он работал над небольшим кусочком небесного пространства, обновляя слой позолоты на звездах. Прежде всего он нанес на маленькие желтые точки специальный клей. Затем покрыл их сусальным золотом, легким, как дыхание, и повернулся ко мне.

– Диана, – позвал отец и протянул мне руку.

Я взобралась на площадку, где он работал, и встала впереди него, оказавшись под защитой его тела.

Он дал мне кисточку, чтобы с ее помощью убрать излишки золота и закрепить оставшееся на месте, покрытом клеем. Он показал, как осторожно вдавить золото в поверхность большим пальцем, чтобы галактика, которую он создал, точно никуда не делась.

Завершив все работы, реставраторы намеренно оставили нетронутым небольшое темное пятно в северо-западном углу потолка вокзала Гранд-Сентрал, где бледно-голубое небо соприкасалось с мраморной стеной. Этот кусочек размером всего девять на пять дюймов, по словам моего отца, должен был послужить историкам источником сведений об оригинальном рисунке. Единственный способ определить, как далеко вы продвинулись, – это знать, с чего вы начали.

Каждый раз, бывая на Гранд-Сентрал, я вспоминаю о своем отце. О том, как мы, держась за руки, покинули это место той ночью. Из-за частичек сусального золота наши ладони мерцали, словно мы украли звезды.

Сегодня пятница, тринадцатое, так что мне следует быть начеку. Добраться от аукционного дома «Сотбис» в Верхнем Ист-Сайде до отеля «Ансония» в Верхнем Вест-Сайде можно лишь единственным способом: поездом маршрута Q доехать до Таймс-сквер, а затем пересесть на поезд маршрута 1, идущий на север города. Таким образом, мне нужно проехать чуть вперед, а потом вернуться назад, прежде чем начать двигаться в правильном направлении.

Ненавижу возвращаться назад!

Как правило, чтобы добраться от «Сотбиса» до «Ансонии», я иду пешком через Центральный парк, но сегодня на мне новые туфли, которые страшно натирают пятку, туфли, которые я бы никогда не надела, если бы знала, что меня вызовет к себе Китоми Ито. Итак, я спускаюсь в метро. Однако вокруг творится что-то странное, и я не сразу понимаю, что именно меня смущает.

Слишком тихо. Обычно мне приходится пробиваться сквозь толпу туристов, которые слушают какого-то певца-попрошайку или скрипичный квартет. Но сегодня в вестибюле метро никого нет.

Прошлым вечером бродвейские театры отменили все спектакли на месяц вперед, после того как тест на ковид одного из билетеров дал положительный результат.

– Они просто перестраховываются, – заверил меня Финн.

В любом случае в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка, где он работает, не зафиксировано такой вспышки заболеваемости коронавирусом, как в штате Вашингтон, в Италии или Франции. В городе выявлено всего девятнадцать заболевших, сообщил мне Финн вчера вечером за просмотром новостей, когда я поинтересовалась, не стоит ли уже начать паниковать.

– Чаше мой руки и пореже трогай ими свое лицо, – сказал он. – Все будет хорошо.

В метро в Верхнем Вест-Сайде тоже почти пусто. Я выхожу на «Семьдесят второй улице» и, поднявшись на поверхность, начинаю моргать, словно крот. Я иду типичным для ньюйоркца быстрым шагом. «Ансония» возвышается передо мной во всей своей красе, словно разъяренный джинн, вызывающе выставляя свой изящный подбородок, выполненный в стиле бозар, прямо в небо. На мгновение я застываю на тротуаре, глядя на его мансардную крышу, лениво раскинувшуюся от Семьдесят третьей до Семьдесят четвертой улицы. На первом этаже располагаются магазины «Норт фэйс» и «Американ аппаратель», однако столь претенциозным здание стало только сейчас. Китоми говорила мне, что в семидесятых, когда они с Сэмом Прайдом переехали в Нью-Йорк, здесь обитали сплошь экстрасенсы и медиумы, а в подвале размещался свинг-клуб с комнатой для оргий, бесплатной выпивкой и едой.

– Мы с Сэмом, – заверила она меня, – ходили туда минимум раз в неделю.

Я еще не родилась, когда Сэм вместе со своим соавтором Уильямом Пунтом и двумя однокашниками из английского городка Слау создали группу «Козодой». Меня все еще не было на свете, когда их первый альбом в течение тридцати недель не покидал чарты Билборд, а также когда их маленький британский квартет выступил в Шоу Эда Салливана и молодые американки с криками бросились врассыпную. Меня не было, и когда десять лет спустя Сэм женился на Китоми Ито, и когда группа распалась – через несколько месяцев после выхода их последнего альбома, на обложке которого были изображены обнаженные Китоми и Сэм, словно герои картины, висевшей над их кроватью. Я еще не родилась, когда три года спустя Сэма убили прямо на ступеньках этого самого здания – какой-то псих перерезал ему горло, узнав в нем человека с обложки, ставшей к тому времени культовой.

И хотя меня не было на свете, когда все это случилось, тем не менее, как и все на этой планете, я в курсе произошедшего.

Швейцар «Ансонии» вежливо улыбается мне; консьержка за столом поднимает на меня глаза.

– Я пришла к Китоми Ито, – холодно говорю я, протягивая ей свои водительские права.

– Она вас ждет, – слышу я в ответ. – Этаж...

– Восемнадцатый. Я знаю.

В отеле «Ансония» останавливалось множество знаменитостей – Бейб Рут, Теодор Драйзер, Артуро Тосканини, Натали Портман, – но, возможно, Китоми и Сэм Прайд – самые знаменитые ее постояльцы. Если бы моего мужа убили на крыльце этого дома, я, возможно, не осталась бы здесь жить еще тридцать лет, но то всего лишь я. Однако теперь Китоми наконец-то решила съехать, вот почему у самой печально известной рок-вдовы в мире есть мой номер телефона.

– Что у меня за жизнь! – думаю я, прислонясь к задней стенке лифта.

Когда в юности у меня спрашивали, чем я хочу заниматься, когда вырасту, мой ответ был продуманным до мелочей. Я планировала уверенно двигаться вверх по карьерной лестнице, выйти замуж до тридцати и к тридцати пяти годам завести детей. Я мечтала свободно говорить по-французски и пересечь страну по шоссе 66². Отец рассмеялся, когда я озвучила ему все эти пункты.

– Ты вся в мать, – сказал он мне тогда.

Я не сочла это за комплимент.

Хотя, для протокола, я, вообще-то, нахожусь на верном пути. Я работаю младшим специалистом в «Сотбисе» – самом «Сотбисе»! – и Ева, мой босс, всеми возможными способами дала мне понять, что после аукциона картины Китоми меня, скорее всего, повысят. Я пока еще не получила предложения руки и сердца, но когда в прошлые выходные у меня закончились чистые носки и я пошла взять пару Финна, то в глубине его ящика с нижним бельем обнаружила кольцо. Завтра мы уезжаем в отпуск, и Финн наверняка собирается задать мне тот самый вопрос именно там. Я просто уверена в этом, а потому сегодня вместо обеда побежала делать маникюр.

К тому же мне только двадцать девять.

Дверь лифта открывается прямо в прихожую пентхауса Китоми, выложенную черно-белой мраморной плиткой и похожую на гигантскую шахматную доску. Хозяйка дома появляется в джинсах, армейских сапогах и розовом шелковом халате. Ее лицо обрамляет копна седых волос, переносицу украшают фиолетовые очки в оправе в форме сердечек, ее визитная карточка. Она всегда напоминала мне птичку семейства крапивниковых, маленькую и костлявую. Я не могу перестать думать о том, что черные волосы Китоми стали седыми в ту ночь, когда убили Сэма. Она была вне себя от горя. Я также думаю о тех фотографиях, где она запечатлена стоящей на тротуаре и глотающей ртом воздух.

– Диана! – обращается она ко мне, будто мы старые друзья.

Возникает неловкий момент, когда я инстинктивно протягиваю руку в приветствии, и лишь затем вспоминаю, что больше мы так не делаем. Вместо этого я неловко машу рукой:

– Здравствуйте, Китоми.

– Я так рада, что ты смогла прийти.

– Без проблем. Большинство менеджеров по продажам лично контролируют процесс передачи бумаг своим клиентам.

За ее плечом, в конце длинного коридора, я замечаю картину Тулуз-Лотрека, которая и является причиной моего знакомства с Китоми Ито. Она следит за моим взглядом, и ее губы растягиваются в улыбке.

– Ничего не могу с собой поделаться, – оправдываюсь я. – От этого вида невозможно устать. Странное выражение мелькает на лице Китоми.

---

² *Шоссе 66* (американцы нередко также называют его «главной улицей Америки», или «матерью дорог») – одно из первых шоссе в системе нумерованных автомагистралей США, открыто 11 ноября 1926 г. Изначально начиналось в штате Иллинойс, а заканчивалось в штате Калифорния, протянувшись вдоль всей страны на почти 4000 км. В массовой культуре получило известность в 1950–1960-е гг. благодаря песням и телесериалам.

– Тогда предлагаю тебе рассмотреть его получше, – отвечает она и ведет меня вглубь квартиры.

С 1892 по 1895 год Анри де Тулуз-Лотрек жил в борделе и рисовал проституток, в том числе лежащих вместе в одной постели, чем шокировал всех импрессионистов. «В постели» – одна из самых известных работ в этой серии – хранится в музее Орсе. Остальные были раскуплены частными коллекционерами за десять-двенадцать миллионов долларов. Картина в доме Китоми явно относится к той же серии, но при этом сильно отличается от прочих работ.

На ней изображены не две женщины, а женщина и мужчина. Обнаженная женщина сидит, прислонившись к изголовью кровати. Ее тело до талии прикрыто простыней. За изголовьем кровати находится зеркало, в котором видно отражение второго героя картины – самого Тулуз-Лотрека. Он тоже обнажен, сидит в изножье кровати, спиной к зрителю, и так же пристально смотрит на женщину, как она на него. На коленях мужчины лежит скомканная простыня. Сцена выглядит интимной и вуайеристичной, личной и одновременно словно выставленной напоказ.

На обложке последнего альбома «Козодоев», «The Twelfth of Never»³, была изображена Китоми с обнаженной грудью, прислонившаяся к изголовью кровати. Она пристально смотрела на Сэма, чья широкая спина закрывала нижнюю треть всей картины. Над кроватью, ровно на том месте, где в оригинале находилось зеркало, висела картина, сюжет которой воспроизводили супруги.

Эту обложку знают все. Как и то, что Сэм выкупил работу Тулуз-Лотрека из частной коллекции и преподнес ее Китоми в качестве свадебного подарка.

Но лишь немногие знают, что сейчас она продает свой подарок на уникальном аукционе «Сотбис» и что именно я закрыла эту сделку.

– Ты все еще планируешь отправиться в отпуск? – спрашивает Китоми, прерывая мои размышления.

Я говорила ей о нашей поездке? Что ж, вполне может быть. Но я не в состоянии отыскать хотя бы одну логическую причину, по которой ее должно это волновать.

Откашлявшись (мне платят не за то, чтобы пялилась на искусство, а за то, чтобы продавала его), я наклеиваю на лицо улыбку.

– Всего на две недели, и сразу по возвращении мы начнем подготовку к вашему аукциону.

У меня странная работа – мне приходится убеждать клиентов расстаться со своим любимым произведением искусства, а это значит осторожно балансировать, словно в танце, между хвалебными одами шедевр и клиентам, заверяя их в правильности принятого ими решения выставить его на продажу.

– Если у вас есть какие-либо опасения по поводу передачи картины в наш офис, то уверяю, переживать не стоит. Обещаю, что лично прослежу за упаковкой и встречу вашу картину в пункте назначения. – Я оглядываюсь на холст. – Мы найдем ему идеальный дом. – Я произношу эти слова, словно даю клятву. – Что ж, вернемся к оформлению бумаг?

Китоми смотрит в окно, затем поворачивается ко мне:

– Да, кстати, насчет них.

– Что значит «она не хочет продавать»? – Ева смотрит на меня поверх своих знаменитых очков в роговой оправе.

Ева Сент-Клер – мой босс, мой наставник и настоящая легенда. Она руководит отделом «Имп-мод», занимающимся продажей работ импрессионистов и произведений современного

---

³ «Двенадцатого Никогда» – популярная песня, записанная Джонни Мэтисом в 1957 г. Название песни отсылает к устойчивому выражению, означающему дату события, которое никогда не наступит. В данном случае имеется в виду, что автор песни никогда не перестанет любить свою возлюбленную.

искусства. Она та, кем я хотела бы стать к сорока годам, и до этого момента мне очень нравилось ходить у своего учителя в любимчиках и быть надежно укрытой крылом его опыта.

– Я так и знала. Кто-то из «Кристис» добрался до нее, – прищурившись, изрекает Ева.

В прошлом Китоми продавала принадлежавшие ей произведения искусства через «Кристис», главного конкурента «Сотбиса». Справедливости ради стоит заметить, что все мы были уверены: именно через них она продаст и Тулуз-Лотрека... пока я не сделала кое-что такое, чего не следовало бы делать младшему специалисту, и не убедила ее в обратном.

– «Кристис» тут ни при...

– «Филлипс»? – спрашивает Ева, приподнимая брови.

– Нет. Ничего такого. Она просто хочет взять тайм-аут, – уточняю я. – Она переживает из-за вируса.

– В смысле? – ошеломленно спрашивает Ева. – Картина вряд ли сможет им заразиться.

– Нет, а вот участники аукциона – запросто.

– Что ж, я уговорю ее слезть с этого подоконника и не прыгать из окна, – говорит Ева. – Ради всего святого, свою заинтересованность в покупке уже подтвердила чета Клуни, Бейонсе и Джей-Зи.

– Китоми также переживает из-за обвала фондового рынка. Она уверена, что ситуация ухудшается, и притом стремительно. Вот почему она хочет немного переждать... Как говорится, береженого Бог бережет.

Ева потирает виски:

– Ты же в курсе, что мы уже слили информацию об этой продаже. «Нью-Йоркер» практически опубликовал об этом статью.

– Ей просто нужно чуть больше времени, – отвечаю я.

Ева отводит взгляд, разговор для нее уже закончен.

– Можешь идти, – велит мне она.

Я выхожу из ее кабинета и попадаю в лабиринт коридоров, заставленный полками с книгами, по которым я изучала историю искусств. Я работаю в «Сотбисе» шесть с половиной лет – семь, если считать стажировку, которую проходила во время учебы в Уильямс-колледже. Сразу после окончания колледжа я поступила в их магистратуру на программу «Арт-бизнес». Я начинала аспирантом, затем стала младшим каталогизатором в отделе импрессионистов. Моя работа заключалась в том, чтобы провести предварительную проверку поступающих к нам картин. Я изучала, над чем еще, помимо указанного произведения, художник работал примерно в то же время и за сколько продавались подобные работы, иногда делала черновик описания для каталога. Хотя сегодня весь остальной мир уже давно перешел на цифровой формат, мир искусства по-прежнему выпускает аналоговые каталоги, красивые, блестящие, очень подробные и чрезвычайно важные. Теперь же, став младшим специалистом, я выполняю различные поручения Евы: посещаю произведения искусства, что называется, на дому и отмечаю их изъяны, точно так же, как вы изучаете арендованный автомобиль на предмет вмятин, прежде чем подписать договор аренды; слежу за упаковкой картины и сопровождаю ее на пути из родного дома в наш офис; иногда составляю компанию своему боссу на встречах с потенциальными клиентами.

Внезапно из двери, мимо которой я прохожу, появляется чья-то рука, хватая меня за плечо и увлекает за собой в кладовку.

– Господи! – выдыхаю я, чуть не падая на Родни, моего лучшего друга здесь, в «Сотбисе». Как и я, он начинал стажером. Однако, в отличие от меня, Родни продолжил свою карьеру не в отделе продаж. Теперь он проектирует и помогает создавать помещения, где произведения искусства выставляются перед началом торгов.

– Это правда? – спрашивает Родни. – Ты упустила картину «Козодоев»?

– Во-первых, это не картина «Козодоев». Она принадлежит Китоми Ито. А во-вторых, как, черт возьми, ты узнал об этом так быстро?!

– Слухи, дорогуша, – то, на чем держится вся наша индустрия, – парирует Родни. – Они распространяются по этим коридорам быстрее, чем грипп. – Он секунду колеблется, а затем продолжает: – Ну или, если хочешь, коронавирус.

– И вовсе я не упустила, – я делаю акцент на последнем слове, – Тулуз-Лотрека. Китоми просто хочет, чтобы сначала все немного утряслось.

Родни складывает руки на груди:

– Думаешь, это произойдет в ближайшее время? Между прочим, вчера мэр объявил чрезвычайное положение.

– Финн сказал, что в городе всего девятнадцать случаев заражения.

Родни смотрит на меня так, словно я только что призналась, будто все еще верю в Санту: со смесью недоверия и жалости.

– Я одолжу тебе один из своих рулонов туалетной бумаги, – заверяет меня он.

И тут я замечаю за его спиной нанесенные на стену шесть различных оттенков золотой краски.

– Какой тебе больше нравится? – проследив за моим взглядом, интересуется Родни.

Я указываю на полоску краски посередине странной композиции.

– Что, правда? – прищурившись, уточняет он.

– Подо что ты собираешься покрасить стены в золотой?

– Под предаукционную выставку средневековых рукописей.

– Тогда вот этот. – Я киваю на полоску рядом с той, на которую указала чуть ранее. Они ничем не отличаются друг от друга. – Сходишь со мной в «Святого Амвросия»? – умоляю я.

Это кафе на верхнем этаже нашего здания, где подают сэндвич с прошутто и моцареллой, который может стереть из моей памяти выражение лица Евы.

– Не могу. Сегодня у меня на ланч попкорн.

В комнате отдыха есть бесплатный попкорн и микроволновка, и в самые горячие деньки это и есть наш ланч.

– Родни, мне конец, – слышу я собственный голос.

Он берет меня за плечи, разворачивает кругом и подводит к зеркальной панели на противоположной стене, оставшейся от предыдущей выставки.

– Что ты видишь? – спрашивает он.

Я смотрю на свои волосы, которые всегда казались мне слишком рыжими, всматриваюсь в собственные голубые глаза со стальным отливом. Помада на губах стерлась. Цвет кожи вполне можно назвать по-зимнему призрачно-белым. На воротнике своей блузки я замечаю странное пятно.

– Я вижу в отражении того, кто может навсегда распрощаться со своим повышением.

– Забавно, – говорит Родни, – потому что я вижу того, кто завтра уезжает в отпуск и кому должно быть абсолютно насрать на Китоми Ито, Еву Сент-Клерк или «Сотбис». Подумай об экзотических коктейлях и тропическом рае, а также о том, чтобы поиграть в доктора со своим парнем...

– Настоящие врачи в подобные игры не играют...

– ...и понырять с аквалангом в компании ядовитых ящериц...

– Морских игуан.

– Не важно. – Родни сжимает мои плечи и встречается со мной взглядом в зеркале. – Диана, когда через две недели ты вернешься, все уже забудут об этом и переключатся на очередной скандал. – Он ухмыляется мне. – А теперь иди и купи себе крем от загара с солнцезащитным фактором не меньше пятидесяти и вали отсюда.

Я смеюсь, а Родни тем временем берет валик с краской и начинает плавно закрашивать все золотые полосы тем оттенком, который я выбрала. Как-то раз он заметил, что стены аукционного дома покрывает целый фут краски, потому что их постоянно перекрашивают.

Закрывая за собой дверь, я задаю вопрос: какого цвета была комната изначально и помнит ли это хоть кто-нибудь вообще!

Чтобы добраться до Гастингса-на-Гудзоне, небольшой деревеньки к северу от Нью-Йорка, надо на вокзале Гранд-Сентрал сесть в пригородный поезд в направлении Метро-Север. И так, во второй раз за сегодняшний день я направляюсь в мидтаун.

Однако теперь я решаю чуть подольше задержаться в главном вестибюле вокзала и располагаюсь прямо под кусочком неба, который расписывала вместе с отцом. Мой взгляд путешествует по перевернутой карте зодиакальных созвездий и веснушкам звезд, сияющих на сводчатом потолке. Запрокинув голову, я впиваюсь в него взглядом, пока голова не начинает кружиться, пока я почти не слышу вновь голос отца.

С момента его смерти прошло уже четыре года, и единственный способ, который помогает мне набраться смелости для визита к моей матери, – это сначала приехать сюда, как будто память об отце повышает мой иммунитет.

Я не совсем понимаю, зачем именно еду к ней. Не то чтобы она просила меня приехать. И не то чтобы я навещаю ее регулярно. На самом деле, я не была у нее уже три месяца.

Быть может, именно потому я и еду?

«Гринс» – это дом престарелых, до которого можно дойти пешком от железнодорожного вокзала Гастингса-на-Гудзоне, вот почему я и выбрала именно его, когда моя мать появилась из ниоткуда после стольких лет радиомолчания. Естественно, она не пылала ко мне материнскими чувствами. Она была проблемой, которую следовало решить.

Здание дома престарелых построено из кирпича и отлично вписывается в окружающую обстановку. Все вместе выглядит так, будто сюда переместили кусочек Новой Англии. Вдоль улицы посажены деревья, а по соседству с домом престарелых находится библиотека. Вокруг входной двери булыжниками выложен узор из концентрических полукругов. Только когда после звонка вам откроют дверь и вы попадете в выкрашенные разноцветной краской коридоры и заметите фотографии на дверях, то поймете, что перед вами Центр по уходу за больными деменцией.

Я записываю свое имя в журнале посетителей и прохожу мимо женщины, бредущей в светлую комнату арт-терапии, в которой полно самых разных красок, глины и поделок. Насколько я знаю, моя мать никогда не занималась ничем подобным.

Здесь делают все возможное, чтобы облегчить жизнь несчастным больным. Дверные проемы для постояльцев имеют ярко-желтые рамки, которые они не могут не заметить; вход же в помещения для персонала и подсобки сливается по цвету с окружающими стенами, спрятан за нарисованными книжными полками или растениями в кадках. Поскольку все двери в жилые комнаты выглядят одинаково, на каждой есть большая фотография, обладающая особым значением для того или иного постояльца: член семьи, какое-то памятное место, любимый питомец. На двери, ведущей в комнату моей матери, висит одна из самых известных ее фотографий: бежавший с Кубы на плоту человек несет на руках обмякшее в результате обезвоживания тело сына. Фотография несколько гротескная и мрачная, от нее веет болью и страданиями. Иными словами, это одна из тех фотографий, что сделала Ханну О’Тул знаменитой.

Чтобы попасть в жилой блок, необходимо ввести специальный код. Устройство для ввода кода внутри жилого блока всегда окружено небольшим отрядом зомби-постояльцев, пытающихся заглянуть вам через плечо, чтобы узнать код и, по-видимому, открыть себе путь к свободе. Сами комнаты обитателей дома престарелых не заперты. Я захожу в комнату своей матери. Тут чисто и не захлавлено. Телевизор включен – он работает без перерыва, – по нему

показывают какое-то игровое шоу. Мама сидит на диване, сложив руки на коленях, словно в ожидании приглашения на котильон.

Она моложе большинства здешних обитателей. В ее черных волосах есть седая прядь, но она была у мамы, сколько я себя помню. На самом деле мама не сильно изменилась со времен моего детства, если не считать ее неподвижности. Мама всегда была в движении – разговаривала, оживленно жестикулируя руками, поворачивалась лицом к тому, кто задавал следующий вопрос, настраивала объектив фотоаппарата, неслась прочь от нас с отцом на другой конец земного шара, чтобы запечатлеть очередную революцию или стихийное бедствие.

За спиной матери видна крытая веранда – собственно, именно поэтому мой выбор пал на «Гринс». Ведь наверняка тот, кто большую часть своей жизни провел на открытом воздухе, возненавидел бы заключение в четырех стенах. С веранды нельзя попасть на улицу, однако можно смотреть на окрестности. Конечно, вид с нее так себе: полоска газона да парковка, но все лучше, чем ничего.

Держать здесь мать стоит до хрена денег. Когда она появилась на пороге моего дома в компании двоих полицейских, которые обнаружили ее слоняющейся в одном халате по Центральному парку, я оторопела, поскольку даже не подозревала, что мама вернулась в город. Стражи порядка нашли мой адрес в ее бумажнике – он был написан на кусочке старого конверта от рождественской открытки.

– Мэм, знаете ли вы эту женщину? – спросил меня один из полицейских.

Я, разумеется, тут же ее узнала. Но я совсем ее не знала.

Когда стало ясно, что у моей матери деменция, Финн поинтересовался:

– Что ты собираешься делать?

– Ничего, – ответила я.

Она почти не заботилась обо мне, когда я была маленькой. Так почему же я должна заботиться о ней сейчас? Я помню выражение лица Финна, когда он осознал, что я воспринимаю любовь как услугу за услугу. Возможно, так и есть. Я не хотела бы вновь увидеть это выражение на его лице, но я знала свои возможности: у меня не было ресурсов, чтобы опекать больного Альцгеймером на ранней стадии. Поэтому я тщательно изучила вопрос, поговорила с ее лечащим врачом и рассмотрела несколько предложений из различных учреждений. «Гринс» оказался мне лучшим местом из всех возможных, но он стоил дорого. В конце концов я собрала все вещи в маминой квартире, продала на аукционе «Сотбис» фотографии с ее стен, и в результате получилась сумма, которая вполне покрывала расходы на ее новое место жительства.

Ирония была в том, что родитель, по которому я отчаянно скучала, уже давно покинул этот мир, в то время как родитель, которого я воспринимала как данность, отныне полностью от меня зависел.

Итак, я приклеиваю улыбку на лицо и сажусь на диван рядом с мамой. Я могу пересчитать по пальцам двух рук свои визиты к ней с тех пор, как пристроила ее сюда, но при этом инструкции персонала я помню очень четко: ведите себя так, будто она вас знает, и даже если она вас не вспомнит, то, получив сигнал дружеского к ней расположения, отнесется к вам как к другу. В свой первый визит на вопрос матери «Кто ты такая?» я ответила:

– Твоя дочь.

Мама так разволновалась, что вскочила со своего места, бросилась вон из комнаты, споткнулась о стул и порезала себе лоб.

– Это ведь «Колесо фортуны»? И кто выигрывает? – спрашиваю я и устраиваюсь поудобнее, словно я тут частый гость.

Ее глаза устремляются на меня. В них мелькает замешательство, похожее на мигающую красную лампочку на панели управления, но вскоре оно затухает.

– Женщина в розовой блузке, – отвечает мама; ее брови сходятся у переносицы, она явно пытается вспомнить, кто я такая. – А ты...

– В прошлый мой визит на улице было еще тепло, – перебиваю я, давая ей понять, что пришла не впервые. – И сегодня там тоже очень приятно. Может, откроем дверь на веранду? Мама кивает, и я подхожу к двери, ведущей на веранду.

Она оказывается незапертой.

– Ты должна всегда закрывать дверь на защелку, – напоминаю я маме.

Сбежать через веранду невозможно, и все-таки я переживаю из-за того, что дверь не заперта.

– Мы собираемся прогуляться? – спрашивает мама, когда в комнату врывается поток свежего воздуха.

– Не сегодня, – отвечаю я. – Но я завтра отправляюсь в путешествие. На Галапагосские острова.

– Я была там, – оживляется мама, цепляясь за нить воспоминаний. – Там живет одна черепаха. Одинокий Джордж. Последний представитель своего вида. Вообрази себе, каково это, быть последним из чего бы то ни было на свете.

Внезапно меня начинают душить слезы.

– Он умер, – говорю я.

– Кто? – склонив голову набок, уточняет мама.

– Одинокий Джордж.

– Какой еще Джордж? – спрашивает она и прищуривается. – А ты кто такая? Я тебя знаю?

Ее вопрос ранит меня.

Я не очень понимаю, почему мамина забывчивость причиняет мне боль именно теперь, ведь на самом деле она никогда меня не знала.

Когда Финн возвращается домой из больницы, то застает меня лежащей в постели под одеялом. На мне моя любимая фланелевая рубашка и спортивные штаны, на коленях лежит открытый ноутбук. Сегодняшний день меня просто расплющил. Финн садится рядом со мной и прислоняется спиной к изголовью кровати. Его золотистые волосы мокрые, а значит, перед тем, как пойти домой, он принял душ еще на работе, в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка. Он работает ординатором в отделении хирургии, но носит хирургическую форму, которая отлично демонстрирует его бицепсы и покрытую созвездиями веснушек кожу на руках. Финн смотрит на экран моего ноутбука, а затем на пустое ведерко с мороженым, стоящее на кровати рядом со мной.

– Ух ты! – удивляется он. – «Из Африки»... и мороженое с жареным пеканом? Это типа тяжелая артиллерия.

Я кладу голову ему на плечо.

– У меня был дерьмовейший день, – жалуюсь я.

– Не у тебя одной, – отвечает Финн.

– Я потеряла клиента.

– Я потерял пациента.

– Ты выиграл. – Я тяжело вздыхаю. – Ты всегда выигрываешь. Сорванная сделка в области искусства еще пока никого не убила.

– Нет, я имею в виду, что у меня потерялся пациент. Пожилая женщина с ДТЛ ушла из палаты прямо перед отправкой на операцию на желчном пузыре.

– Добродушно-толерантное лицо?

Губы Финна растягиваются в улыбке.

– Деменция с тельцами Леви, – поясняет он и тем самым заставляет меня вспомнить о моей матери.

– Ты ее нашел?

– Ее нашла наша служба безопасности. Она была в родильном отделении.

Интересно, что заставило ее отправиться именно туда – какая-то ошибка внутреннего GPS или хвост воспоминаний, который, словно воздушный змей, улетел так высоко в небо, что его едва можно разглядеть.

– Тогда в этот раз победа остается за мной, – заявляю я и коротко пересказываю ему свою встречу с Китоми Ито.

– По большому счету никакая это не катастрофа, – резюмирует Финн. – Ты еще можешь получить повышение, если со временем она все-таки решится продать картину.

Что мне больше всего нравится в Финне (ну ладно, одно из качеств, которые мне нравятся в нем больше всего), так это принятие того факта, что мое будущее четко расписано на годы вперед. Его будущее, я знаю, тоже распланировано до мелочей. Но главное – наши планы во многом совпадают: успешная карьера, затем двое детей, затем огромный загородный дом, восстановленный из руин. «Ауди ТТ». Чистокровный английский спрингер-спаниель и взятая из приюта дворняга. Проживание за границей в течение полугода. Финансовая подушка в виде банковского счета, чтобы можно было в любой момент купить зимние шины или заплатить за новую крышу. Должность в совете директоров приюта для бездомных, больницы или благотворительной организации по борьбе с раком, которая в некотором роде делает мир лучше. Достижение, которое увековечит мое имя.

(Я думала, что аукцион картины Китоми Ито станет таким достижением.)

Если брак – это ярмо, заставляющее двоих двигаться в одном ритме, то мои родители были волами, которые тянули его в разные стороны, а я оказалась прямо посередине. Я никогда не могла представить, как можно хотеть провести с кем-то остаток жизни и при этом не понимать, что хочешь совершенно другого будущего. Мой отец мечтал о семье; для него искусство было средством обеспечить мне достойную жизнь. Моя мать мечтала об искусстве; для нее семья была помехой. Я знаю, что такое любовь, и я всеми руками за нее. Но никакая всепоглощающая страсть не смогла бы преодолеть подобный разрыв.

Жизнь полна неожиданностей, но это не значит, что не стоит иметь запасной план в заднем кармане. Вот почему пока большинство наших друзей все еще получают степени, или свайпают влево⁴, или выясняют, что дарит им радость, мы с Финном строим планы. Общие у нас не только временные точки на графиках наших жизней, но и мечты, как будто мы пользуемся одним чек-листом. Пробежать марафон. Узнать, чем отличается хорошее каберне от плохого. Посмотреть все фильмы из топ-250 на сайте IMDb. Поволонтерить на Айдитарод⁵. Пройти часть Аппалачской тропы. Посмотреть на поля тюльпанов в Нидерландах. Научиться серфингу. Увидеть северное сияние. Выйти на пенсию в пятьдесят лет. Посетить все объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Мы решили начать с Галапагосских островов. Это чертовски дорогая поездка для двух миллениалов из Нью-Йорка; стоимость одних только перелетов непомерна. Но мы копили деньги в течение четырех лет, и благодаря предложению, которое я нашла в Интернете, нам удалось вписаться в наш бюджет. В итоге мы проведем весь отпуск на одном острове вместо более дорогостоящего круиза по нескольким островам.

И на одном из черных песчаных пляжей Финн опустится на колени, а я провалюсь в океан его глаз и скажу: «Да, давай начнем наше “до конца своих дней”».

Хотя моя жизнь расписана на годы вперед и я пока не особо отклоняюсь от намеченного маршрута, все же меня не покидает ощущение, что я топчусь на одном месте в ожидании следующей вехи. У меня есть работа, но повышение теперь мне не светит. У меня есть парень, но пока нет семьи. Прямо как Финн, который иногда играет в одну из своих видеоигр и никак не

---

⁴ Имеется в виду популярное приложение для знакомств Tinder, в котором по фотографии понравившегося человека нужно провести пальцем («свайпнуть») вправо, а того, кто вас не заинтересовал, – влево.

⁵ *Айдитарод* – ежегодные гонки на собачьих упряжках на Аляске. Длина дистанции составляет 1868 км (1161 миля).

может пройти на следующий уровень. Я визуализировала свои желания, я заявляла о них во всеуслышание, я пыталась достучаться до вселенной. Финн прав. Я не позволю такой мелочи, как неуверенность Китомы, сбить меня с пути.

Сбить *нас* с пути.

Финн целует меня в макушку:

– Мне жаль, что твоя сделка сорвалась.

– Мне жаль, что твоя пациентка потерялась, – отвечаю я.

Он лениво переплетает свои пальцы с моими и бормочет:

– Она кашляла.

– Мне казалось, у нее были какие-то проблемы с желчным пузырем.

– Так и было. Но она кашляла. Все это слышали. И я... – Он пристыженно смотрит на меня. – Я испугался.

Я сжимаю руку Финна:

– Ты решил, что у нее ковид?

– Да, – кивает он. – Поэтому вместо того, чтобы сразу пойти к ней в палату, я сначала проверил двух других пациентов. Думаю, ей просто надоело ждать... и она ушла. – Он морщится. – У нее был *кашель курильщика*, и ей нужно было удалить желчный пузырь, но вместо того, чтобы думать о ее здоровье, я думал о своем.

– Не стоит винить себя за это.

– Думаешь? Я ведь давал клятву. Это все равно что быть пожарным и говорить, что в горящем здании слишком жарко, чтобы идти внутрь.

– Я думала, на весь город всего девятнадцать больных.

– Это сегодня, – с нажимом уточняет Финн. – Но мой начальник напугал нас всех до чертиков, заявив, что отделение неотложной помощи к понедельнику будет переполнено больными. После этого я целый час пытался запомнить, как правильно надевать СИЗ⁶.

– Слава богу, мы скоро едем в отпуск! – облегченно вздыхаю я. – Мне кажется, нам обоим не помешает передышка. – (Финн молчит.) – Жду не дождусь, когда мы окажемся на пляже и все будет казаться таким далеким... – (Тишина.) – Финн... – говорю я с нажимом.

Он отстраняется, чтобы посмотреть мне прямо в глаза:

– Диана, тебе все равно стоит поехать.

Той же ночью, после того как Финну наконец удалось забыться беспокойным сном, я просыпаюсь от головной боли. Я нахожу аспирин, а затем проскальзываю в гостиную и открываю свой ноутбук. Начальник Финна недвусмысленно дал понять, что брать отпуск в данный момент *крайне нежелательно*. Что в скором времени им придется задействовать все ресурсы.

Не то чтобы я ему не верила, но мне вспоминается пустынный вестибюль метро, и эта картинка никак не вяжется со словами врача. Город выглядит пустым, а не полным больных людей.

Мой взгляд перепрыгивает с заголовка на заголовок:

Де Блазио объявляет чрезвычайное положение

Мэр считает, что к следующей неделе в Нью-Йорке
будет тысяча заболевших

НБА и НХЛ отменили свои сезоны

---

⁶ Средства индивидуальной защиты.

Метрополитен-музей закрылся для посетителей

Я замечаю, что снаружи начинает потихоньку алеть горизонт. Я слышу, как ревет мотор чьей-то машины. Обычная суббота в городе. Вот только, судя по всему, мы находимся в самом центре шторма.

Однажды, когда я была маленькой, мы всей семьей отправились снимать засуху на Среднем Западе и попали в торнадо. Небо пожелтело, как старый синяк, и нам пришлось укрыться в подвале какого-то мини-отеля, прижавшись к коробкам с надписями «Рождественские украшения и скатерти». Мама спускаться в подвал не захотела, как и расставаться со своей камерой. Когда ветер перестал завывать, она вышла на улицу, и я последовала за ней. Мама, казалось, ничуть не удивилась, обнаружив меня рядом с собой.

Не было слышно ни звука, молчали все: люди, машины и, как ни странно, даже птицы и насекомые. Будто мы внезапно оказались под стеклянным колпаком. «Все закончилось?» – спросила я. «Да, – ответила мама. – И нет».

Я не замечаю, что Финн стоит у меня за спиной, пока не чувствую его руки на своих плечах.

– Так будет лучше, – заверяет меня он.

– Поехать в отпуск одной?

– Оказаться в таком месте, где я не буду за тебя беспокоиться, – уточняет Финн. – Я не знаю, какую дрянь могу принести домой из больницы. Я даже не знаю, вернусь ли из больницы домой...

– Они продолжают заверять, что все закончится через две недели.

«Они», – думаю я. Ведущие, повторяющие слова пресс-секретаря, который повторяет слова президента.

– Да, я знаю. Но мой начальник считает иначе.

Я снова вспоминаю пустынный вестибюль станции метро. Таймс-сквер, лишённую туристов. Я не должна судорожно запастись дезинфицирующими средствами или скупать маски-респираторы № 95. Я знаю количество умерших от ковида во Франции, в Италии, но все они были пожилыми людьми. Я не против мер предосторожности, но я также знаю, что сама я молода и здорова. Непонятно, чему верить. *Кому* верить.

Если даже с Манхэттена пандемия кажется пока чем-то далеким, то, вероятно, с архипелага посреди Тихого океана будет казаться, что ее не существует вовсе.

– Что, если у тебя закончится туалетная бумага?

– Это беспокоит тебя сейчас больше всего? – отвечает Финн с нажимом, и я понимаю, что он улыбается. Он сжимает мои плечи. – Обещаю, что украду пару рулонов из больницы, если в продуктовых народ начнет бить друг другу морды.

Это неправильно – ехать без Финна, но совсем неправильно думать о том, чтобы взять с собой кого-нибудь вместо Финна. Впрочем, я не знаю никого, кто бы мог сорваться и уехать на две недели без предварительного уведомления. Однако в предложении Финна есть рациональное зерно, которое вонзается в меня, словно острый коготь. Мой отпуск был запланирован давным-давно. Я знаю, что мы можем получить компенсацию за авиабилеты Финна, однако мелким шрифтом в том потрясающем предложении, которое я нашла в Интернете, было указано, что за отмену бронирования возврат средств не производится, и точка. Я говорю себе, что выкидывать на ветер такую сумму денег просто глупо, а от мысли о том, что в понедельник придется вернуться на работу, у меня лишь сильнее болит голова. Я вспоминаю, как Родни советовал мне понырять с аквалангом в компании морских игуан.

– Я закидаю тебя фотографиями, – обещаю я. – Их будет так много, что тебе придется сменить тарифный план.

Финн наклоняется ко мне, и вскоре я чувствую, как его губы касаются моей шеи.

– Повеселись там за нас обоих, – говорит он.

Внезапно меня охватывает такой сильный страх, что я подсакиваю со стула и бросаюсь в объятия Финна.

– Ты будешь здесь, когда я вернусь. – Интонация моего предложения утвердительная, поскольку сама мысль о том, что она может быть вопросительной, для меня невыносима.

– Диана... – Финн вновь улыбается, – ты не избавишься от меня, даже если захочешь.

Я совершенно не помню, как добралась до Галапагосских островов.

Думаю, виной тому амбиен⁷. Я приняла таблетку сразу, как только села в самолет. Помню, как я собирала вещи и как в последнюю минуту достала путеводители из ручной клади и положила их в чемодан. Помню, как трижды проверяла, взяла ли паспорт. Помню, как Финна вызвали в больницу, как он поцеловал меня на прощание и сказал:

– Водопад Виктория.

– Ну вот, ты уже забыл, как меня зовут, – пошутила я.

– Нет, это следующий объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, который мы посетим. Но перед этим я поеду в Зимбабве, а ты останешься здесь. Око за око.

– Договорились, – пообещала я, потому что знала: он ни за что не поедет в Зимбабве один.

А дальше все мои воспоминания становятся очень фрагментарными: сумасшедшая суэта в аэропорту, как будто сейчас сезон отпусков, а не очередное воскресенье марта; бутылка воды, которую я покупаю на борту и выпиваю во время полета; журнал «Пипл», который я так и не открываю; касание шасси взлетно-посадочной полосы при посадке, которое выдергивает меня из состояния задумчивого перебирания фактов о моем пункте назначения. Все еще не придя в себя от перелета, я бреду, словно во сне, по незнакомому аэропорту Гуаякиля на материковой части Эквадора, где мне придется провести ночь перед стыковочным рейсом на Галапагосы.

Я также четко помню еще два факта: как мне сообщают, что авиакомпания потеряла мой багаж, и как кто-то меряет мне температуру, прежде чем впустить меня в Эквадор.

Мне не хватает ни моих скудных знаний испанского, ни сил, чтобы объяснить, что мой рейс на Галапагосские острова вылетает завтра рано утром, но наверняка такое случается сплошь и рядом. Я заполняю какой-то бланк на багажной стойке, однако, судя по количеству людей, которые делают то же самое, шансы на то, что я вовремя получу свой чемодан, невелики. Я с тоской думаю о путеводителях, которые положила в него в последнюю минуту. Что ж, ничего страшного. Буду изучать местность при непосредственном с ней знакомстве; и читать о ней мне больше не нужно. В моем рюкзаке есть все необходимое: зубная паста и зубная щетка, зарядное устройство для телефона, купальник, который я положила в ручную кладь как раз на случай, если произойдет *нечто подобное*. Утром я вернусь в аэропорт и полечу на остров Бальтра, откуда на автобусе доберусь до парома на остров Санта-Крус, а уже оттуда тоже на пароме – до острова Исабела, где пробуду две недели. Надеюсь, в какой-то момент мне удастся воссоединиться со своим чемоданом.

Приняв душ, я заплетаю волосы в косу, подключаюсь к дерьмовому гостиничному Wi-Fi и пытаюсь связаться с Финном по FaceTime. Он не отвечает, но через несколько минут перезванивает сам. На экране телефона я вижу его лицо. На Финне медицинская маска, а сверху – защитный экран для лица.

– Ты долетела! – радуется он.

– Да, – киваю я. – Однако моему чемодану повезло меньше, чем мне.

– Ого! Выходит, я не только отказался от отпуска в райском местечке... Но отказался от отпуска, во время которого ты будешь рассказывать по этому райскому местечку голый?

---

⁷ Коммерческое название золпидема, наиболее распространенного снотворного лекарственного средства в США и Европе.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – улыбаюсь я, но внезапно чувствую себя очень уставшей и очень одинокой. – Я скучаю по тебе.

Из динамика моего телефона раздается звук сирены «скорой помощи».

Финн смотрит куда-то влево.

– Мне нужно идти, – говорит он.

– Ты уже видел его? – спрашиваю я. – Вирус?

Мы встречаемся взглядом, и за плексигласовым щитком я замечаю круги под глазами Финна. Сейчас десять вечера. И тут я понимаю, что, пока я спала в самолете, Финн все это время работал и не покидал больницу вот уже двенадцать часов кряду.

– Я только его и вижу, – отвечает он, и связь обрывается.

Мой рейс на Бальтру следующим утром проходит без сучка и задоринки. Но между мной и паромом до моего конечного пункта назначения оказывается морской лев.

Он лежит, растянувшись на причале, и греется в лучах солнца, словно слизняк, подергивая своими усами. Я подхожу ближе к нему с телефоном, думая, что смогу отправить снимок Финну, но в ту минуту, когда я приближаюсь к животному практически на расстояние вытянутой руки, его голова взмывает вверх, а взгляд внезапно останавливается на мне.

Перепрыгнув через его хвост, я со всех ног бегу прочь, а когда зверь, зевнув, хрипло ревет, я чуть не роняю из рук телефон.

Мое сердце все еще бешено колотится, когда я добираюсь до парома. Я оглядываюсь через плечо, уверенная, что зверь гонится за мной по пятам, но морской лев и не думает двигаться с места, он по-прежнему лежит, распластавшись на выбеленном дощатом настиле, словно ленивая собака.

До острова Исабела ходит всего два парома в день, но на вечернем рейсе не так много народу, как я ожидала. На самом деле пассажиров всего трое, включая меня. На ломаном испанском я уточняю у человека, который помогает мне подняться на борт, правильно ли я поняла, что это паром на остров Исабела, и получаю резкий кивок головой в ответ. Я занимаю место на открытой палубе. А потом внезапно мы оказываемся в открытом море, и остров Санта-Крус начинает казаться все меньше и меньше.

Галапагосы – это группа островов, брошенных в океан, словно горсть драгоценных камней – на бархат. Мне кажется, именно так выглядел наш мир после своего рождения – горы, слишком молодые, чтобы плавно переходить в склоны, туман, плещущийся в долинах, вулканы, вспарывающие небесный шов. Некоторые острова все еще покрыты шипами застывшей лавы. Одни окружены водой сонно-бирюзового цвета, другие – впечатляющей пеной волн. Какие-то из островов, как, например, Исабела, обитаемы. До других можно добраться только на лодке, и их населяет лишь причудливая коллекция эндемиков.

Поездка на пароме длится два часа, во время которых меня то и дело обдаёт брызгами. Воды океана беспокойные, поэтому паром потряхивает и дергает в разные стороны. Лицо пассажира с рюкзаком за спиной, как у занятого путешественника, приобретает зеленый оттенок, что не предвещает ничего хорошего. Он похож на студента колледжа. Вторая пассажирка, девочка с гладкой коричневой кожей, кажется мне местной жительницей. Она совсем юная – ей лет двенадцать или, может, тринадцать? На ней школьная форма: трикотажная рубашка поло с вышитым на груди гербом школы и черные брюки. Поверх рубашки на девочке надета толстовка с длинным рукавом, хотя на улице довольно жарко. Плечи школьницы сгорблены, в руках она сжимает дорожную сумку, глаза красные. Все в ней будто бы говорит: «Оставьте меня в покое».

Я не отрываю глаз от горизонта и изо всех сил сдерживаю подступившую к горлу тошноту. Мысленно я сочиняю сообщение Финну: «Помнишь, как мы сели на паром из Бар-Харбора в

Новую Шотландию, чтобы попасть на свадьбу твоего соседа по комнате, и всем на борту стало плохо?»

Вскоре выясняется, что паром не идет до самой Исабелы. Он останавливается у причала, а затем мы втроем со студентом и школьницей залезаем в водное такси и едем до нашего конечного пункта назначения, Пуэрто-Вильямил. Я шурюсь на пляж с белым, словно сахар, песком и пальмами, когда студент вдруг заливается радостным смехом.

– Зацени! – кричит он, хватая меня за рукав.

Пальцем он указывает на плавающего рядом с лодкой крошечного пингвина.

Остров становится все ближе, и масса суши словно бы распадается на отдельные ощущения: горячие порывы ветра и ухающие пеликаны; мужчина, взбирающийся на кокосовую пальму и бросающий орехи вниз какому-то мальчику; морская игуана, моргающая желтым, как у динозавра, глазом. По мере нашего приближения к пристани я размышляю над тем, что у Галапагосов с Нью-Йорком нет вообще ничего общего. Здешние тропики кажутся неподвластными времени, ленивыми, отстраненными. Похоже, здесь никто никогда не слышал о пандемии.

Но потом я вдруг осознаю, что на пристани нас встречает орда людей, жаждущих воспользоваться услугами водного такси. Они похожи на загорелых туристов, которые мысленно уже вернулись домой, а потому сейчас толкаются в попытке перекричать друг друга. Какой-то мужчина принимается размахивать пачкой наличных перед лицом нашего водителя, на котором я замечаю выражение крайнего потрясения.

– Что происходит? – спрашиваю я.

– *La isla está cerrando*, – отвечает он.

Cerrando... Я пытаюсь вспомнить, что это значит, перебирая в голове свой весьма ограниченный испанский словарный запас.

– Я не понимаю, – наконец говорю я.

Девочка-школьница молча смотрит на маячащую впереди пристань. Студент смотрит сначала на меня, а затем на орущую толпу. Он спрашивает что-то по-испански у нашего водителя, и тот отвечает потоком незнакомых мне слов.

– Остров закрывается, – резюмирует студент.

Как остров может закрыться?

– Они вводят двухнедельный локдаун, – поясняет паренек. – Из-за вируса. – Затем он кивает на толпу на пристани. – Они все пытаются вернуться на Санта-Крус.

Девочка прикрывает глаза, как будто не хочет никого из них видеть.

Я не могу себе представить, как все эти люди поместятся на пароме. Таксист что-то спрашивает у нас по-испански.

– Он интересуется, хотим ли мы вернуться, – переводит студент, бросая взгляд в сторону парома, пришвартованного на некотором расстоянии от нашего такси. – Это последний паром с острова.

Мне не нравится, когда планы внезапно меняются.

Я думаю о Финне, который велел мне уехать из Нью-Йорка. Я думаю о полностью оплаченной комнате, ждущей меня в нескольких минутах ходьбы от этой пристани. Если остров закрывают на две недели, то, вероятно, они предполагают, что именно столько времени потребуется для борьбы с вирусом. Я могу провести эти две недели, сражаясь с разъяренной толпой за место на обратном рейсе до Нью-Йорка, а затем отсиживаться в нашей квартире, пока Финн работает.

Студент говорит что-то нашему водителю на испанском, а затем поворачивается ко мне и поясняет:

– Я сказал ему, что ты, вероятно, захочешь вернуться.

– Почему?

Он пожимает плечами:

– Потому что ты не похожа на человека, который привык рисковать.

Слова этого парня задевают меня. Небольшой сбой в программе вовсе не означает, что я не могу адаптироваться.

– Что ж, ты ошибаешься. Я остаюсь.

Брови студента взмывают вверх.

– Чё, реально? Блин! – произносит он с невольным восхищением.

– А ты что собираешься делать? – спрашиваю я.

– Вернусь домой, – отвечает молодой человек. – Я уже неделю тусуюсь на Галапагосах.

– Что ж, а я только прилетела, – почему-то оправдываюсь я.

– Тебе виднее.

Две минуты спустя мы с девочкой покидаем наше такси и оказываемся на острове Исабела. Кучка встревоженных туристов расступается перед нами и тут же смыкается позади, словно течение. Всем им не терпится сесть в маленькую лодку. Я застенчиво улыбаюсь своей спутнице, но она никак не реагирует на мою улыбку. Через некоторое время я вдруг понимаю, что осталась в полном одиночестве. Я оглядываюсь и вижу, что девочка, поставив сумку возле ног, сидит на деревянной скамейке возле пирса и плачет.

В этот момент водное такси отъезжает от причала.

Внезапно меня осеняет: в попытке казаться более храброй, чем я есть на самом деле, я только что осталась совсем одна на незнакомом острове.

На самом деле я ни разу в жизни не путешествовала в одиночку. Когда я была маленькой, то нередко составляла отцу компанию в его командировках – в музеи Лос-Анджелеса, Флоренции, Фонтенбло. Когда я училась в колледже, то ездила с соседками по комнате на Багамы во время весенних каникул. Как-то мне пришлось по работе уехать на все лето в Канаду, но и там я жила с друзьями. Я летала с Евой в Лос-Анджелес и Сиэтл, чтобы встретиться с потенциальными клиентами и оценить произведения искусства для аукциона. Мы ездили с Финном в национальный парк Акейдия; летали с ним на Майами на выходные, прихватив пятницу с понедельником, я также была его «плюс одним»⁸ на свадьбе в Колорадо. Я знаю женщин, которые упрямо настаивают на том, чтобы самостоятельно путешествовать в наиболее отдаленные места, как будто воинственная самодостаточность еще более инстаграмна, чем иностранные достопримечательности. Но я не такая. Мне нравится делить с кем-то свои воспоминания. Мне нравится, что когда я поворачиваюсь к Финну и говорю: «А помнишь тот случай на горе Кадиллак...» – то даже заканчивать предложение мне необязательно.

«У тебя приключение», – напоминаю я себе.

В конце концов, моя мать спокойно выживала одна в местах, которые были гораздо менее цивилизованными, чем Галапагосы.

Когда я снова оглядываюсь на пирс, девочки на скамейке уже нет.

Я закидываю рюкзак на плечо и бреду прочь от причала. Небольшие здания напоминают мне кусочки головоломки: кирпичные стены с соломенной крышей, свежая ярко-розовая штукатурка, деревянная арка с вывеской «Бар/Ресторан». Все они разные; их объединяют только плотно закрытые двери.

La isla está cerrando.

По песчаной улице, извиваясь, ползут сухопутные игуаны – единственные признаки жизни.

---

⁸ Если в приглашении указывается «плюс один», это значит, что можно привести с собой еще одного гостя. Те, кто состоит в серьезных отношениях, проживают вместе с партнером или готовятся к собственной свадьбе, традиционно получают приглашения с пометкой «плюс один».

Я прохожу мимо *farmacia*⁹, магазина и нескольких *hostales*¹⁰. Другой дороги в городе нет, поэтому если я не стану с нее сходить, то рано или поздно непременно найду свой отель.

Я продолжаю идти, пока не замечаю мальчика, которого видела с борта водного такси, – он ловил кокосы, которые кидал ему какой-то мужчина.

– *Hola*¹¹, – улыбаюсь ему я и жестом показываю вверх и вниз по дороге. – Каса-дель-Сьело?..

Раздается легкий глухой стук – оказывается, это позади меня приземляется, спрыгнув с пальмы, тот самый мужчина.

– Каса-дель-Сьело, – повторяет он. – *El hotel no está lejos, pero no están abiertos*¹².

Мои губы расплываются в широкой улыбке.

– *Gracias*¹³, – отвечаю я, хотя понятия не имею, что он только что сказал.

Интересно, о чем, черт возьми, я думала, когда решила поехать в страну, языком которой не владею!

Ах да. Точно. Я думала, что поеду с Финном, который им как раз владеет.

Вежливо помахав рукой на прощание, я продолжаю двигаться в указанном мне направлении. Через несколько сот ярдов я замечаю выцветшую деревянную вывеску с вырезанным на ней названием моего отеля.

Я подхожу к двери как раз в тот момент, когда кто-то открывает ее изнутри. Из-за двери показывается пожилая женщина, чье лицо так изборождено морщинами, что напоминает скорее смятую простыню; черные глаза незнакомки блестят. Она кричит тому, кто, по-видимому, остался в здании. Ей отвечают по-испански. На женщине хлопчатобумажное платье с логотипом отеля на левой груди. Она улыбается мне и тут же исчезает из виду, свернув за угол здания.

Следом за первой из отеля выходит вторая женщина – помоложе, с длинной копной черных волос, заплетенных в косу. Она держит в руках связку ключей и, выйдя из здания, начинает запирать за собой дверь.

Странное поведение для обслуживающего персонала отеля.

– *Discúlpame*¹⁴, – робко начинаю я, – это Каса-дель-Сьело?

Она вытягивает шею, словно рассматривает что-то на крыше здания, а затем кивает.

– *Estamos cerrados*, – отвечает женщина, переводя взгляд на меня. – Закрытые, – добавляет она по-английски.

Я моргаю. Может быть, здесь есть что-то вроде сиесты; может быть, все предприятия на острове закрываются – я смотрю на часы – в 16:30?

Женщина резко дергает дверь и уходит. В панике я бегу за ней, прося ее остановиться. Незнакомка оборачивается, а я принимаюсь рыться в рюкзаке в поисках распечатанного подтверждения брони из отеля – доказательства того, что я имею полное право прожить ближайшие две недели здесь, поскольку номер полностью оплачен.

Женщина берет у меня из рук распечатку и внимательно ее изучает. В очередном потоке испанских слов я различаю лишь одно знакомое мне понятие: «коронавирус».

– Когда вы снова откроетесь? – спрашиваю я.

Женщина пожимает плечами – понятный любому человеку на планете жест, означающий буквально: «Ты влип по полной».

---

⁹ Аптека (*исп.*).

¹⁰ Хостелы (*исп.*).

¹¹ Привет (*исп.*).

¹² Отель находится недалеко отсюда, но он закрыт (*исп.*).

¹³ Спасибо (*исп.*).

¹⁴ Простите (*исп.*).

Она садится на велосипед, начинает крутить педали и вскоре оставляет меня одну перед захудалым отелем, оплаченный номер в котором мне не светит, в стране, на языке которой я не говорю, на острове, где мне предстоит прожить две недели. При этом из вещей у меня только зубная щетка и купальник.

Я огибаю отель. Оказывается, его задний фасад обращен к океану. Нежное небо все словно в синяках. Морские игуаны бросаются врассыпную, когда я присаживаюсь на небольшой бугорок, чтобы достать телефон и позвонить Финну.

Но связи нет.

Я закрываю лицо руками.

Я не привыкла путешествовать таким образом. Обычно я заранее бронирую отель, запасуюсь путеводителями и завожу аккаунт на сайте авиалиний, чтобы накапливать мили. Я трижды проверяю, взяла ли с собой права и паспорт. Я крайне организована. От мысли о том, чтобы бесцельно бродить по городу в поисках отеля со свободными номерами, меня начинает подташнивать.

Как-то раз моя мама фотографировала на Шри-Ланке азиатских буйволов, когда на пляж обрушилось цунами.

– Слоны, – рассказывала потом она, – бросились к холмам еще до того, как кто-либо из нас понял, что происходит. Фламинго сорвались с насиженных мест, чтобы перебраться куда повыше. Собаки отказывались выходить на улицу. Если все движется в каком-то одном направлении, – резюмировала она, – обычно на это есть причина.

Я чуть не подпрыгиваю от прикосновения чьей-то руки к своему плечу. Позади себя я обнаруживаю пожилую женщину из отеля. Она улыбается мне беззубой улыбкой, и ее губы повторяют изгиб десен.

– *Ven con migo*¹⁵, – говорит она.

Я не знаю, что это значит, и остаюсь сидеть на месте. Тогда незнакомка протягивает мне костлявую руку и помогает подняться.

Держа за руку, словно маленькую девочку, она ведет меня вниз по песчаной улице Пуэрто-Вильямы. Я знаю, что позволять незнакомцу увести себя в неизвестном направлении не очень-то разумно. Но пожилая женщина кажется не похожей на серийного убийцу, к тому же у меня нет выбора. словно во сне, я бреду за ней мимо запертых дверей магазинов, закрытых ресторанов и тихих баров, которые вскоре уступают место маленьким аккуратным жилым домишкам. Некоторые из них выглядят роскошнее остальных, прячась за низкими оштукатуренными стенами с воротами. Рядом с другими валяются ржавые велосипеды. Вокруг третьих имеются палисадники с заборчиком из измельченных морских ракушек.

Женщина сворачивает ко входу в один из домиков. По форме он похож на квадрат и явно сделан из бетона, выкрашенного в бледно-желтый цвет. Ножки колонн на небольшом деревянном крыльце густо увиты буйно цветущими виноградными лозами. Однако, вместо того чтобы подняться на крыльцо, мы обходим вокруг дома – оказывается, что его задняя часть спускается к воде. Во внутреннем дворике обнаруживается металлический кофейный столик и веревочный гамак, несколько растений в кадках и пролом в стене высотой по колено, который ведет прямо на пляж. Бьющиеся о берег волны быстро разносят слухи.

Я оборачиваюсь и вижу, как пожилая женщина проходит через раздвижную стеклянную дверь и машет мне, веля следовать за ней. Я вхожу в крошечное помещение, которое выглядит одновременно обжитым и заброшенным. Из мебели здесь есть только потертый, уродливый диван в коричневую клетку, деревянный кофейный столик и шаткий стол довольно большого размера. Прямо посреди стола краснеет раковина, в которую вставлена пачка бумажных салфеток. Повсюду разбросаны тряпичные коврики.

---

¹⁵ Пошли со мной (*исп.*).

В комнате имеются также холодильник, духовка и плита. Но в шкафах нет книг, на полках нет еды, на стенах нет картин.

– Ты, – велит мне женщина на ломаном английском, – оставайся.

Против воли мои глаза наполняются слезами.

– Спасибо, – отзываюсь я. – Я могу заплатить. *Dolares*¹⁶.

Женщина пожимает плечами, как будто это абсолютно нормально – предлагать дом выброшенному на улицу путешественнику, не требуя платы. С другой стороны, может быть, на Исабеле это действительно считается чем-то само собой разумеющимся. Женщина улыбается и похлопывает себя по груди.

– Абуэла, – представляется она.

Я улыбаюсь ей в ответ:

– Диана.

Мое жилище представляет собой маленькую загадку. В нем есть неширокая кровать, и я отправляюсь на поиски простынь. В задней части бельевого шкафа под полотенцами оказываются спрятанными три выцветшие футболки из мягкой ткани: одна – с незнакомым мне флагом, другая – с черным котом, третья – с логотипом какой-то компании на груди. Тот же логотип я замечаю на коробке с огромными рекламными открытками – их в ней несколько сот, не меньше. Логотип компании «G2 Tours» в окружении различных фотографий – вулкана, черепахи, каменистого пляжа и голубоногой олуши с глазами-бусинками. В спальне в побитом жизнью шкафу я нахожу пару огромного размера шлепанцев, а также маску и трубку. В ванной комнате в ящике стола обнаруживаются полупустой тюбик зубной пасты и бутылочка с аналогом ибупрофена. В холодильнике есть пара приправ – горчица и табаско – и при этом никакой еды.

Вот почему я вынуждена покинуть относительный комфорт своего нового жилища. Мой желудок урчит так громко, что игнорировать его становится опасным, и я отправляюсь на поиски еды и сотовой связи. Я снимаю рубашку, которую ношу уже два дня, и переодеваюсь в футболку с логотипом «G2 Tours», завязывая ее узлом на талии. Затем раздвигаю стеклянные двери, переступаю порог и оказываюсь на краю света.

Океан флиртует с берегом, то набегая на него, то вновь отступая. Какое-то движение привлекает мое внимание: неровный выступ скалы внезапно оживает, однако оказывается, что это всего лишь морские игуаны, решившие искупаться. Я пытаюсь следить за траекторией их движения в волнах, но теряю животных из виду на большой глубине. Я прикрываю глаза рукой и пытаюсь разглядеть на горизонте силуэт еще одного острова, но вижу лишь неясное пятно в том месте, где вода встречается с небом. Теперь я понимаю капитана, который прокладывает курс к этой точке на карте, представляя, как достигнет края земли.

Внезапно я чувствую, что между мной и моей реальной жизнью будто пролегли тысячи миль.

Сначала мне кажется, что на пляже никого, кроме меня, нет, но потом вдалеке я различаю чьи-то силуэты, а сосредоточившись, слышу крики – похоже, это резвятся местные дети. Я поворачиваюсь обратно к дому и наверху, за бледной занавеской, замечаю тень – вероятно, Абуэлы.

Наверное, я могла бы подняться к ней и жестами объяснить, что хочу есть. Хозяйка дома, скорее всего, усадила бы меня за стол и приготовила еды. Но с моей стороны такое поведение выглядело бы крайне неучтивым, ведь Абуэла уже оказала мне огромную услугу, приютив в своем доме. Однако, насколько мне известно, магазины не работают, ведь я только что сама видела их закрытые двери. Может быть, в другом конце городка есть открытая забегаловка или

---

¹⁶ Долларами (исп.).

рынок? Я взываю к своей внутренней Элизабет Гилберт/Амелии Эрхарт/Салли Райд¹⁷ и делаю шаг навстречу неизвестности.

Все та же центральная дорога вьется мимо кактусов, спутанных кустарников и солоноватой воды. Вдалеке розовеют расхаживающие по воде фламинго, и вытянутые петли их шей становятся похожими на выносные элементы букв какого-то секретного послания, когда они ныряют за креветками. В некоторых особо узких местах дорогу окаймляют черные камни. Иногда на ней также можно встретить охапки опавших листьев. Все вокруг выкрашено в зеленое, красное и оранжевое – словно на картинах Гогена. На моем телефоне все это время из четырех палочек индикатора связи горит только одна.

Финн с ума сойдет, если не получит от меня вестей. Он, конечно, должен понимать, что на Галапагосах с Wi-Fi могут быть перебои. Я прямым текстом сказала ему об этом еще вчера, перед тем как связь прервалась. К тому же во всех путеводителях туристов предостерегают насчет плохой связи, предлагая выбирать между слабым Wi-Fi в отеле и тем, чтобы просто отключить телефон и наслаждаться отдыхом. Для нас с Финном последнее звучало очень заманчиво. Но ведь тогда мы думали, что окажемся отрезанными от всего мира вместе...

Если бы все было наоборот – если бы он застрял там, где не было связи, – я бы страшно переживала. Я стараюсь не поддаваться панике: он знает, что я благополучно приземлилась; прошел всего день; я придумаю, как связаться с ним завтра.

Минут через двадцать я замечаю, что солнце уже почти село. Растопыренные во все стороны ветви кактусов при слабом освещении превращаются в преследующих меня незнакомцев. Я подпрыгиваю от испуга всякий раз, когда передо мной проносится игуана. Мне следует повернуть назад, пока не стало слишком темно и я не заблудилась. Я уже собираюсь смириться с тем, что лягу спать голодной, когда замечаю впереди небольшое строение. Я прищуриваюсь, но даже это не помогает мне различить, что написано на вывеске.

Подойдя чуть ближе, я наконец читаю написанное, хотя и так уже становится понятно, что это не ресторан и не мини-маркет. «CENTRO DE CRIANZA DE TORTUGAS GIGANTES». На вывеске имеется перевод на английский – «ЦЕНТР РАЗВЕДЕНИЯ ГИГАНТСКИХ ЧЕРЕПАХ» – и, чтобы у читающего ее не осталось никаких сомнений, внизу нарисована вылупляющаяся из яйца черепаха.

Никаких ворот, ведущих на территорию центра, тут нет, поэтому я спокойно прохожу во внутренний двор. Главное здание закрыто на ночь (или дольше?), но во дворе полукругом расположены вольеры, огороженные бетонной стеной высотой несколько футов, довольно толстой, чтобы я могла на нее облокотиться и заглянуть внутрь, и довольно высокой, чтобы черепахи не могли сбежать.

Я вплотную подхожу к стене и оказываюсь лицом к лицу с доисторического вида черепахой. Ее прищуренные глаза пристально смотрят на меня. Приблизившись ко мне на мягких лапах, она вытягивает шею из своего панциря. Ее голова совсем плоская, кожа как у динозавра, на лапах имеются массивные черные когти, а нос – совсем как у Волан-де-Морта. Она открывает рот и высовывает язык.

Я опираюсь на локти и с наслаждением наблюдаю за тем, как животное отворачивается от меня и устремляется к другой черепахе, виднеющейся вдалеке. Неуклюже шевеля лапами, будто рассекая морские волны, мой знакомый взбирается на панцирь второй черепахи, тем самым обездвиживая ее, чтобы они могли спариться. Самец, за которым я наблюдала все это время, наклоняет голову к своей партнерше, натягивая до предела сухожилия на своей шее. Его толстые лапы похожи на покрытые кольчугой руки. Он хрипло ревет – за всю жизнь самец может не издать другого звука.

---

¹⁷ Элизабет Гилберт – американская писательница, автор бестселлера «Ешь, молись, люби». Амелия Эрхарт – первая женщина-пилот, перелетевшая Атлантический океан. Салли Райд – первая американка, побывавшая в космосе.

– Так держать, приятель, – бормочу я и отворачиваюсь, чтобы предоставить животным возможность побыть наедине.

В других вольерах я замечаю сотни черепах всевозможных размеров. Они похожи на нагромождение армейских шлемов. Одни спят, другие, наоборот, копошатся. Третьи, выползающие из какой-то лужи все покрытые водорослями, или четвертые, жующие какие-то стебли, кажутся бесконечно уставшими от этого мира. Даже самые маленькие черепашки напоминают мне стариков с морщинистыми шеями и лысыми макушками.

В одном из вольеров несколько черепах с аппетитом поедают маленькие зеленые яблоки, упавшие с дерева за бетонным забором. Я наблюдаю, как рептилии превращают их в кашу своими мощными челюстями.

У меня урчит в животе, и я перевожу взгляд на яблоню.

Я не из тех, кто ест ягоды с незнакомых кустов. Ради бога, ведь я живу в Нью-Йорке и считаю природу по большей части опасной. Но если черепахи едят эти яблоки, наверняка они и для человека сгодятся, верно?

Но так просто до яблок не дотянуться. Ветви, нависающие над вольером, уже обглоданы жадными черепахами, так что мне приходится взобраться на бетонную стену, чтобы сорвать яблоко.

– *Cuidado!*¹⁸

Я оборачиваюсь и чуть не падаю в вольер для черепах от удивления. Темнота окутала меня, словно сеть, повсюду царит мгла, так что я не вижу, кто меня зовет. Секунду я колеблюсь, но затем вновь поворачиваюсь к яблоне.

Мои пальцы едва касаются кожуры яблока, когда внезапно кто-то срывает меня со стены. Я теряю равновесие, а затем оказываюсь распростертой на пыльной земле. Надо мной нависает незнакомый мужчина. Он кричит что-то на испанском, и я не могу разглядеть его лица в темноте. Он наклоняется ко мне и хватается за запястье.

Интересно, почему я решила, что бродить одной в темноте по незнакомой местности безопасно?

Интересно, я не пала жертвой вируса, чтобы пасть жертвой незнакомца здесь, на острове?

Я пытаюсь дать отпор. Я умудряюсь со всей силы ударить обидчика в грудь, он хрюкает и лишь сильнее сжимает меня в своих объятиях.

– Пожалуйста, не убивайте меня! – молю я. – Ведь я не сделала вам ничего плохого!

Он выворачивает мое запястье, и я впервые ощущаю жжение на кончиках пальцев – там, где они соприкоснулись с кожурой яблока. Я перевожу взгляд на свою руку и вижу, что мои пальцы покрылись волдырями и покраснели.

– Слишком поздно, – говорит незнакомец на безупречном английском. – Ты сделала плохо самой себе.

Глава 2

Я вскакиваю на ноги и прижимаю больную руку к груди второй рукой, пытаюсь унять пульсирующую боль в кончиках пальцев.

– К ним нельзя даже прикасаться, настолько они ядовиты, – поясняет мужчина. – Эти плоды похожи на яблоки.

– Я не знала, – отвечаю я.

– А следовало бы, – бормочет он. – Здесь повсюду висят таблички.

Ядовитые яблоки, прямо как в сказке. Только вот мой принц застрел в больнице в Нью-Йорке, а злая колдунья – шестифутовый галапагосец, плохо контролирующийся свой гнев. Я

---

¹⁸ Осторожно! (исп.)

смотрю на черепаха, все еще блаженно пирующих злосчастливыми яблоками. Незнакомец смотрит в ту же сторону, что и я.

– Ты не черепаха, – резюмирует он, будто точно знает, о чем я думаю.

Жар в пальцах становится невыносимым.

– Насколько они ядовиты? – Я начинаю паниковать.

Мне нужно срочно ехать в больницу?

Есть ли вообще здесь больница?

Он берет меня за руку и пристально разглядывает пострадавшие пальцы. У него темные волосы и темные глаза, на нем беговые шорты и потная майка.

– И ожог, и волдыри скоро пройдут. Если нужно, сделай холодный компресс, – говорит он, а затем переводит взгляд на мою грудь; я выдергиваю свои пальцы и прикрываю грудь обеими руками. – Где ты ее взяла?

– Взяла – что?

– Эту футболку.

– Одолжила у кое-кого, – отвечаю я. – Мой багаж потеряли.

Незнакомец хмурит брови, и его лоб прорезают более глубокие морщины.

– Ах, ты приехала сюда отдохнуть. Ну конечно, – произносит он так, словно своим визитом на Исабелу я нанесла ему личное оскорбление; в стране, основным источником дохода которой является туризм, подобное поведение сложно назвать теплым приемом. – Не хочется тебя расстраивать, но на острове объявлен двухнедельный карантин, и все закрыто, включая это место.

– Но ты-то здесь, – резонно замечаю я.

– Я здесь живу и просто возвращался к себе домой. И тебе бы тоже не мешало вернуться домой. Или ты не слышала о пандемии?

Его слова задевают меня за живое.

– Вообще-то, я слышала о пандемии, да. Мой парень делает все возможное, чтобы победить вирус. Он находится на передовой линии фронта, если хочешь знать.

– Ага, а ты решила привезти вирус к нам.

Как будто я Тифозная Мэри. Как будто я намеренно пытаюсь причинить людям вред, а не скрыться от опасности.

– *Maldita turista*¹⁹, – бормочет незнакомец, – которую совершенно не волнуют последствия, лишь бы ничто не мешало ей хорошо провести время.

Я широко распахиваю глаза. Может, он и спас меня от ядовитого яблока, но быть засранцем при этом не перестал.

– Вообще-то, у меня нет ковида. Но знаешь, просто на всякий случай, мы можем соблюсти социальную дистанцию прямо сейчас, разойдясь по разным концам острова.

Я разворачиваюсь и ухожу. Боль в моей несчастной, покрытой волдырями руке, беспомощно повисшей вдоль тела, продолжает пульсировать. Я не оглядываюсь назад, чтобы проверить, смотрит он мне вслед или бредет к себе домой. Я не сбавляю шага, пока не оказываюсь у входа в Центр разведения гигантских черепах. Рядом с вывеской, на которую я обратила внимание в самом начале, я замечаю еще одну табличку с яблоком, перечеркнутым красным. «*CUIDADO! LOS MANZANILLOS SON NATIVOS DE LAS GALAPAGOS. SOLAMENTE LAS TORTUGAS GIGANTES SON CAPACES DE DIGERIR ESTAS MANZANITAS VENENOSAS*». И рядом на хорошем английском: «ОСТОРОЖНО! МАНЦИНЕЛЛОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ, ПРОИЗРАСТАЮЩИЕ НА ГАЛАПАГОССКИХ ОСТРОВАХ, КРАЙНЕ ЯДОВИТЫ. ТОЛЬКО ГИГАНТСКИЕ ЧЕРЕПАХИ СПОСОБНЫ ПЕРЕВАРИВАТЬ ИХ ПЛОДЫ».

---

¹⁹ Проклятая туристка! (исп.)

Я слышу приглушенное фыркание и, подняв глаза, вижу, что новый знакомый стоит в десяти футах от меня, скрестив руки на груди. Затем он поворачивается и уходит куда-то вглубь острова. Я провожаю его взглядом, пока темнота не поглощает мужчину целиком.

К тому времени, как я возвращаюсь в свою квартиру, на острове уже ночь. В отличие от большого города, где то тут, то там светится рекламный щит или витрина магазина, здесь царит полная, всеобъемлющая темнота. Я ориентируюсь по лунному свету, который отражается в океане, как пущенный по воде камешек. Добравшись наконец до небольшого пляжа перед моей квартирой, я снимаю кроссовки и захожу по щиколотку в воду, чтобы охладить обожженные пальцы в прибое. У меня урчит в животе.

Я отступаю к небольшой каменной стене, которая отделяет внутренний двор от пляжа, и достаю свой телефон. Он лежит у меня на ладони, сияя, словно яркая звезда, в бесплодных попытках поймать сигнал.

«Я скучаю», – пишу я Финну, а затем стираю буквы одну за другой. Уж лучше не посылать никаких сообщений вообще, чем безуспешно пытаться отправить хоть что-то.

Если бы Финн был здесь, мы бы смеялись всю дорогу до нашего номера в отеле, обсуждая отравленные яблоки и грубость местных жителей.

Если бы Финн был здесь, он бы непременно поделился со мной протеиновым батончиком «Кайнд», который всегда берет с собой в самолет на всякий случай.

Если бы Финн был здесь, возможно, я уже носила бы на пальце помолвочное кольцо и готовилась бы прожить остаток своих дней, согласно тщательно составленному мной плану.

Но Финна здесь нет.

Путешествовать с соотечественником стоит только для того, чтобы он постоянно напоминал о доме, чтобы иметь причину уехать, когда, растворившись в огнях Парижа или в бескрайности пустыни, в голову потихоньку закрадывается мысль: «А не остаться ли здесь навсегда?»

Но, учитывая, что мой отель закрыт, я умираю с голоду, а на руке благодаря стараниям местного дерева-убийцы вскочили гигантские волдыри, причин остаться на Исабеле у меня почти нет. За исключением того факта, что я в самом прямом смысле слова не могу покинуть этот остров.

Я настолько вышла из своей зоны комфорта, что все, чего мне хочется, – это свернуться калачиком и заплакать. Я проскальзываю через раздвижные стеклянные двери в свою квартиру и включаю свет. На кухонном столе рядом с раковиной стоит тарелка, накрытая кухонным полотенцем. Даже находясь на другом конце комнаты, я слышу запах чего-то чрезвычайно вкусного. Стол начинает слегка пошатываться, когда я приподнимаю полотенце. На тарелке лежит что-то вроде кесадила, фаршированной сыром, луком и помидорами. Я съедаю все шесть кусочков разом, даже не присев.

Потом я беру коробку с открытками туристической компании и ставлю ее на кухонный стол. На одной из открыток, достав ручку из рюкзака, я пишу корявым почерком: «GRACIAS», затем подписываюсь и босиком бреду к главному входу в дом. В окнах темно, поэтому я просовываю послание под входную дверь.

Вполне возможно, что на каждого злого засранца на этом острове найдется кто-то вроде Абуэлы.

Вернувшись в свою комнату, прежде чем раздеться, нырнуть в постель и заснуть под тихое бормотание вентилятора над головой, я подписываю вторую открытку – адресованную на этот раз Финну.

Дорогой Финн!

Писать друг другу письма уже немодно, но даже если этот остров – технологическая пустыня, почта-то тут должна работать, так ведь? Прежде всего, спешу заверить тебя,

что со мной все в порядке – здесь нет и намека на вирус. Паромное сообщение прекращено на ближайшие две недели, скорее всего, именно для того, чтобы вирус сюда не добрался. Вряд ли отпуск будет соответствовать моим ожиданиям – туризм (и прочая торговля) здесь тоже прекращены. Но я, словно местная островитянка, снимаю комнату у одной милой старушки. Разве не круто?! Мне просто придется исследовать Исабелу самостоятельно, но это значит, что, когда мы вернемся сюда с тобой, нам не нужны будут ни гид, ни экскурсии, ведь я стану настоящим экспертом. ☺

Здесь безумно красиво. Мне кажется, что ни один художник не смог бы передать черноту местных скал, сверкающих на солнце, или бирюзу воды. Все кажется каким-то... грубым и незавершенным. Игуаны свободно расхаживают по острову, словно они здесь хозяева. Я почти уверена, что их тут больше, чем людей.

Кстати, о людях, надеюсь, с тобой все в порядке. Меня жутко бесит, что я не могу слышать твой голос. Да, я скукаю даже по твоему фальшивому пению в душе.

С любовью, Диана

С самого раннего детства, с моего первого мольберта, стало понятно, что у меня есть какой-никакой талант. Мой отец всю жизнь имел дело с живописью – будь то потолочные фрески или гигантские холсты, – он занимался консервацией. Сам же он всегда говорил, что ничего не создает, а лишь воссоздает. Еще на первом курсе колледжа одну из моих работ отобрали для участия в студенческой выставке. Отец невероятно мной гордился. Он пришел на открытие выставки в своем лучшем костюме; впрочем, другого у него все равно не было.

Мама на выставку не пришла. Она вела репортаж о ходе гражданской войны в Сомали, находясь в самой гуще событий.

Отец изучал мою картину целых двадцать минут. Он рассматривал ее так подробно, словно ему сказали, что мир вот-вот станет черно-белым, и это его последний шанс увидеть цвет. Иногда он поднимал руку, будто хотел прикоснуться к раме, но всякий раз одергивал себя и опускал руку. Наконец он повернулся ко мне:

– Глаз у тебя острый, как у матери.

В следующем семестре вместо занятий живописью я выбрала историю искусств, курсы по медиа и бизнесу. Я не хотела, чтобы меня всю жизнь сравнивали с матерью, поскольку решила во что бы то ни стало быть совсем на нее не похожей. Если это означало освоить какую-то иную сферу в мире искусства, что ж, так тому и быть.

Я не удивилась, когда прошла отбор на летнюю стажировку в «Сотбис» перед последним курсом в колледже, потому что всю свою учебу я подстроила под то, чтобы стать участницей этой программы. В первый же день всех стажеров с одинаково горящими глазами собрали в одной огромной комнате. Я села рядом с чернокожим молодым человеком, который – в отличие от всех остальных, одетых в консервативные блейзеры и сшитые на заказ брюки, – был в фиолетовой шелковой рубашке и юбке-миди с принтом из огромных роз. Когда молодой человек поднял на меня глаза, я кивнула в сторону той части комнаты, где руководители различных отделов аукционного дома, выстроившись в линию, выкрикивали имена своих стажеров.

– Если бы я не хотел, чтобы люди на меня пялились, – прошептал мой сосед, – то надел бы что-нибудь попроще. Маккуин.

– Диана, – представилась я, протягивая руку.

– О, дорогуша, – улыбнулся молодой человек, – эту юбку создал дизайнер Александр Маккуин. – Затем он протянул мне унизанную кольцами руку, на ногтях блестел серебряный лак. – Я Родни. – Он оценивающе смерил меня взглядом, явно отметив про себя и чопорность моей одежды, и разумную высоту каблучков. – Мидлберийский колледж?

– Уильямс.

– Хм... – ответил он так, будто я могла ошибаться насчет колледжа, где проучилась три года. – Первое родео?

– Да. А у тебя?

– Второе, – сказал Родни. – Я уже был здесь прошлым летом. Они будут обращаться с тобой словно с трехногой хаски на Айдитароде, но я слышал, что в «Кристис» еще хуже. – Приподняв одну бровь, он поинтересовался: – Ты ведь знаешь, что тебя ждет, так? – (Я покачала головой.) – Помнишь Распределяющую шляпу в «Гарри Поттере»? Они назовут твоё имя и твой отдел. Никаких переводов. – Он наклонился к моему уху и зашептал: – Я учусь на дизайнера в Род-Айлендской школе дизайна, и в прошлом году меня распределили в отдел по продаже изысканных вин. Вин! Я ни черта в них не разбираюсь! И ответ на твой вопрос – «нет», пить их не разрешается.

– Импрессионизм, – ответила я. – Я бы очень хотела работать в «Имп-мод».

– Тогда, вероятнее всего, тебя засунут в какой-нибудь отдел по исследованию космоса, – ухмыльнулся Родни.

– Или музыкальных инструментов, – улыбнулась я в ответ.

– Сумок. – Родни полез в свою сумку и вытащил из нее нечто, завернутое в фольгу. – Вот. – Он протянул мне кусок пирожного. – Утопи свои печали превентивно.

– С пирожным все кажется лучше, чем есть на самом деле, – сказала я, откусывая здоровенный кусок от протянутого мне лакомства.

– Особенно если в брауни есть травка.

Я поперхнулась, и Родни похлопал меня по спине.

– Диана О’Тул!

Услышав своё имя, я тут же вскочила со стула и громко ответила:

– Здесь!

– «Частные коллекции».

Я повернулась к Родни, который сунул мне в руку остаток брауни.

– Могли бы быть «Ковры и половые тряпки», – пробормотал он. – Только прожуй сначала.

Я так и не доела брауни, даже когда оказалась за стойкой регистрации, где мне было поручено отвечать на телефонные звонки и помогать посетителям ориентироваться в здании компании, которую я еще толком даже не знала. Отвечая на звонки, я изучала некрологи в «Нью-Йорк таймс», обводя красной ручкой имена богатых людей, поместья которых могли быть выставлены на аукцион. И вот как-то днем к моему столу подошел мужчина почти квадратных пропорций, держа в руках завернутую в ткань картину.

– Мне нужна Ева Сент-Клерк, – потребовал он.

– Я могу записать вас к ней на встречу, – предложила я.

– Боюсь, вы не понимаете, – продолжал настаивать посетитель. – Это Ван Гог.

Он тут же принялся разворачивать картину, и я затаила дыхание в предвкушении характерных мазков кисти и крупных цветочных блоков. Вместо этого я увидела перед собой акварель.

Ван Гог написал более сотни акварелей. Но в этой работе не было того буйства красок, которые заставили бы меня поверить в то, что передо мной действительно работа великого живописца. Подписи на ней тоже не было.

Впрочем, разумеется, ни мой отдел, ни я не занимались оценкой живописи.

«А что, если... – подумала я. – Что, если это мой шанс? Что, если мне суждено стать тем самым выдающимся стажером, который распознает неизвестного Ван Гога и станет легендой „Сотбиса“?»

– Минутку, – сказала я незнакомцу.

Схватив трубку, я тут же набрала номер Евы Сент-Клерк, которая в то время была старшим специалистом отдела продаж «Имп-мод». Я быстро назвала своё имя и едва приступила к описанию сути проблемы, как услышала в ответ:

– Боже мой, ради всего святого! – а затем гудки.

Спустя две минуты Ева Сент-Клерк появилась в дверях лифта.

– Мистер Дункан, – начала она ледяным тоном, – я уже говорила вам на прошлой неделе, и две, и три недели назад, мы не думаем, что это настоящий... .

– Она думает иначе, – перебил ее мистер Дункан, тыча в меня пальцем.

Я уставилась на него широко распахнутыми глазами.

– Вовсе нет. – Я сделала особое ударение на последнем слове.

– Она, – Ева кивнула в мою сторону, – никто. И не имеет никакого права оценивать даже сэндвич с ветчиной, не то что произведение искусства.

Я перевела ошарашенный взгляд на Еву Сент-Клерк. И на эту женщину я собиралась работать? Возможно, мне удалось увернуться от пули.

Внезапно кто-то схватил меня за руку.

– Вставай!

Я была так поглощена разворачивающейся на моих глазах драмой, что даже не заметила, как мой тогдашний босс приблизился к стойке регистрации с противоположной стороны. Иеремия был старшим специалистом в отделе «Частные коллекции», и ему поручили занять меня хоть чем-то, например дать поиграть в администратора на ресепшене.

– Ты нужна нам прямо сейчас, – заявил он.

– Но кто будет...

– Мне все равно. – Иеремия тащил меня за собой, на ходу вводя в курс дела. Мы шли по бесконечным коридорам здания, напомнившим мне в тот момент туннели кроличьей норы. – Вандербильты выбирают между нами и «Кристис». Они собираются продавать свое имение. У нас аврал.

Иеремия распахнул дверь, ведущую в конференц-зал. Измотанная группа специалистов по продаже недвижимости подняла на нас глаза.

– Это стажер? – спросил один из них, словно заметив оазис в пустыне.

Меня подвели к компьютеру, стоявшему в углу зала, и велели вводить данные с сотен страниц заметок о предметах искусства, мебели и личных вещах владельцев имения. Пока я печатала, перепроверя введенные мной данные по два раза и тщательно изучая огромный список имущества, группа позади меня придумывала различные доводы, которые могли бы убедить Вандербильтов выбрать «Сотбис» вместо «Кристис».

В течение нескольких дней я упорядочивала списки работ голландских мастеров, «роллс-ройсов» и позолоченных карет, слушая, как Иеремия и другие старшие специалисты выдают одну захватывающую идею для аукциона за другой. Войти в это помещение было все равно что получить удар током. Я наконец-то смогла убедиться, что эйфория от работы с производением искусства не начинается и не заканчивается его созданием.

Вандербильты выбрали «Сотбис» за день до окончания моей стажировки. Было шампанское, громкие речи и аплодисменты в мою честь. Я, словно тягловая лошадь, трудилась ночами и выходными, таща на себе этот огромный груз.

Не важно, что Ева Сент-Клерк думала обо мне.

Я украла бутылку «Моёт», и мы с Родни распили ее в туалетной кабинке для людей с ограниченными возможностями. За то лето мы стали неразлучны. Его распределили в отдел исламского искусства, но Родни каким-то образом удалось убедить своего босса позволить ему пообщаться с командой дизайнеров, которая занималась оформлением залов и экспозиций для аукционов. По выходным мы бродили по Метрополитен-музею и Музею американского искусства Уитни, а также поставили перед собой задачу найти лучшие тосты с авокадо в городе. Я напоила Родни, после того как его бросил друг, послав эсэмэску. Родни же вытащил меня на распродажу остатков коллекций ведущих дизайнеров и заставил, как Золушку, переодеться в «Макс Мару» и «Ральфа Лорена», которые шли с огромными скидками.

– Выпьем за отдел по продаже изысканных вин, – сказала я, поднося бутылку к губам.

– Выпьем лучше за нас – будущих выпускников магистерской программы «Сотбиса» две тысячи тринадцатого, – возразил Родни.

Наш план состоял в том, чтобы вместе поступить на программу обучения в области арт-бизнеса, получить настоящую работу и захватить мир искусства.

Лично я также мечтала о том, чтобы Ева Сент-Клерк знала, кто я и на что способна.

Спустя девять лет и несколько повышений Ева Сент-Клерк отлично знает, кто я такая: протеже, заполучившая Тулуз-Лотрека Китоми Ито... и упустившая его.

На следующее утро, едва проснувшись, я замечаю высоко в небе распухший шар солнца, который жарит так, что становится больно дышать. Я натягиваю купальник, который благодаря какой-то сверхъестественной прозорливости мне хватило ума упаковать в рюкзак, хватаю полотенце и направляюсь к кромке океана, пританцовывая на горячем песке. Волдыри на моей руке превратились в болячки.

Вода, кажущаяся ледяной по сравнению с жарким воздухом, перехватывает дыхание. Однако я заставляю себя сделать глубокий вдох и бегу навстречу волнам. Сделав три длинных шага, я ныряю под воду. Вскоре я выныриваю на поверхность – от воды волосы слиплись и больше не лезут мне в глаза – и продолжаю плыть на спине с закрытыми глазами. Соль от воды стягивает кожу на щеках.

Как долго я могла бы оставаться на плаву, не зная, в какую сторону несет меня течение? Куда бы я в итоге приплыла?

Поддавшись силе притяжения, я опускаю ноги в воду и, прищурившись, всматриваюсь в горизонт. Быть может, где-то в том направлении ждет меня Финн?

Находиться в этом тропическом раю и знать, что за полмира отсюда весь Нью-Йорк готовится к пандемии, кажется мне гигантским когнитивным диссонансом.

Немыслимо, находясь посреди пустыни, думать о затопленных городах.

Я выхожу из воды, заворачиваюсь в полотенце и отжимаю косу. Внезапно волосы у меня на затылке встают дыбом от неприятного ощущения, будто за мной следят. Я оглядываюсь, но пляж по-прежнему пуст. Повернувшись к дому, где находится моя квартирка, я замечаю какое-то движение, но размытый силуэт исчезает прежде, чем я подхожу достаточно близко, чтобы как следует его разглядеть.

Уже стоя в душе, я понимаю, что у меня нет ни шампуня, ни мыла. И опять-таки у меня нет никакой еды, поскольку я съела все, что Абуэла оставила мне прошлым вечером. Приходится смириться с грязной головой и натянуть вчерашние джинсы на немывтое тело, однако из заначки, найденной в бельевом шкафу, я беру свежую футболку и возвращаюсь в Пуэрто-Вильямиль. Надеюсь, сейчас там хоть что-то открыто. Моя цель – запастись провизией, а также найти почтовое отделение, где я смогу купить марки и отправить открытку Финну. Если у меня так и не выйдет отправить ему эсэмэску, электронное письмо или позвонить, по крайней мере, он получит старую добрую открытку.

Но Пуэрто-Вильямиль – настоящий город-призрак. В барах, ресторанах, хостелах и магазинах по-прежнему темно, их двери плотно закрыты. Вход на почту затынут металлическими рольставнями. На мгновение у меня замирает сердце. Быть может, объявили эвакуацию, а я все проспала? И на острове не осталось никого, кроме меня? Затем я замечаю какое-то движение в одном из запертых помещений с темными окнами.

Я стучу в дверь, но женщина внутри качает головой.

– *Por favor!*²⁰ – взмаливаюсь я.

Она кладет коробку, которую держит в руках, и отпирает дверь.

---

²⁰ Пожалуйста! (исп.)

– *No perteneces aquí. Hay toque de queda*²¹.

Я понимаю, что передо мной небольшой продуктовый магазин. На прилавке стоят корзины с фруктами, а на стеллажах в узких проходах разложены другие товары. Я вытаскиваю из кармана пачку наличных:

– Я могу заплатить.

– Закрыто, – отвечает женщина на английском.

– Пожалуйста! – вновь молю я.

Смягчившись, незнакомка поднимает руку с растопыренными пальцами. Пять товаров? Пять минут? Я указываю на желтый фрукт в корзине у прилавка. Кажется, это гуава. Женщина берет его в руку.

– Мыло? – спрашиваю я. – *Sopa*?²²

Она тянется к одной из полок и берет оттуда банку супа.

Что ж, его я тоже возьму, но помыться им мне вряд ли удастся. Я изображаю, как мою голову и подмышки. Женщина кивает и достает откуда-то кусок мыла «Айвори», который добавляет к куче выбранных мной товаров. Я перебираю все испанские названия продуктов питания из своего узкого лексикона: *agua, leche, café, huevo*²³. В магазинчике почти нет скоропортящихся продуктов, что ограничивает мои возможности и заставляет задуматься, каким образом на Исабелу будут поставляться молоко или яйца? У женщины в наличии лишь каждый третий товар из тех, что мне нужны. Местные жители, должно быть, заранее узнали о карантине и запаслись всем необходимым.

– Паста? – наконец спрашиваю я, и хозяйка находит для меня три упаковки макарон.

Что ж, питаться одними макаронами – незавидная судьба, но все могло быть гораздо хуже.

– Марки? – Я протягиваю незнакомке свою открытку и тычу в ее уголок.

Она качает головой и машет в сторону закрытого почтового отделения на противоположной стороне улицы.

На прилавке лежит небольшая стопка газет. Я не понимаю, о чем говорится в заголовках, но фото к одной из статей проясняет ситуацию – какой-то итальянский священник благословляет десятки гробов с жертвами ковида.

Это то, что ждет Америку. То, с чем придется иметь дело Финну.

Я же застряла здесь.

Хозяйка лавки протягивает руку, требуя платы за продукты. Этот жест поймут в любом уголке мира. Я показываю ей свою кредитную карточку, но женщина качает головой. У меня нет с собой эквадорских денег, и я до сих пор так и не нашла банкомата. В панике я вынимаю из пачки наличных две двадчатки и протягиваю их, прежде чем хозяйка лавки передумает и заберет назад мои продукты. Женщина вновь запирает дверь, а я бреду восвояси с пластиковым пакетом в руках.

На полпути домой я слышу, как у меня звонит телефон. Я вытаскиваю его из кармана и смотрю, как на экране один за другим высвечиваются сообщения от Финна:

Я тебя потерял.

Эй, ты там?

Пытался дозвониться до тебя по FaceTime, но...

Проблемы с Wi-Fi? Попробую набрать тебя завтра.

---

²¹ Тебе здесь не место. Сейчас комендантский час (*исп.*).

²² Суп (*исп.*) – переименованное *англ.* soap – «мыло».

²³ Вода, молоко, кофе, яйцо (*исп.*).

Он прислал кучу сообщений, прежде чем наконец понял, что мой телефон, должно быть, совсем здесь не ловит. В последнем сообщении он обещает прислать мне электронное письмо на случай, если я наткнусь на интернет-кафе.

Я смотрю на ряд плотно закрытых дверей магазинов и фыркаю.

Но по-видимому, я нахожусь прямо в точке максимального приема сигнала в Пуэрто-Вильямиле, потому что, когда открываю свою почту, то обнаруживаю там электронное письмо от Финна. Я сажусь прямо на землю, скрестив ноги, и начинаю читать, впиваясь взглядом в его слова, словно они – оазис в пустыне.

Кому: DOToole@gmail.com

От кого: FColson@nyp.org

Не могу поверить, что прошло всего два дня. Однако уже закрыли все школы, бары и рестораны. Только в Нью-Йорке 923 случая. Десять человек умерло. В метро никого нет. Как будто Нью-Йорк – пустая оболочка, а все его жители куда-то попрятались.

Впрочем, я не особо в курсе, потому что все это время не покидал больницу. Нам пришлось отказаться от хирургов-ординаторов. Помнишь, как раньше я жаловался на то, что младшим ординаторам вечно приходится брать ночные смены и проводить консультации по эректильной дисфункции, в то время как старшие ординаторы участвуют в реальных операциях, и ты уверяла, что однажды придет мой черед? Что ж, он так и не пришел. Быть может, я и работаю младшим ординатором четвертый год, но все это уже в прошлом. Никто больше не проводит операций. Все плановые операции – и даже аппендэктомия и холецистэктомия – отменены, потому что хирургическое отделение заполнено ковидными больными. Полагаю, ординаторы – расходный материал, поскольку всех нас перевели на ковид.

Честно говоря, мы не видим ничего, кроме ковида. Хотя я и учился на хирурга, но теперь вынужден работать терапевтом, лечащим инфекционные заболевания, и я понятия не имею, что делаю.

Впрочем, здесь все такие.

Я отработал уже 34 часа своей 12-часовой смены, потому что рук не хватает. Пациенты не перестают прибывать. Их всех привозят к нам, когда уже слишком поздно. Больные задыхаются, им не хватает воздуха. Они пытаются сделать вдох, но воздуху просто некуда идти, поэтому в конечном итоге они лишь сильнее изматывают свои и без того изможденные легкие – порочный круг. Прежде мы подключали их к аппаратам ИВЛ с использованием неинвазивных носовых канюль, которые поставляют в десять раз больше кислорода, но они лишь разносят вирус по всей больнице. Поэтому теперь мы используем кислородные маски или маленькие носовые канюли. Однако они не работают. Никакие наши ухищрения не действуют. У пациентов почти каждую минуту отказывают легкие, потому что им не хватает кислорода, и единственное, что остается делать, – это интубировать, что крайне опасно, так как мы не можем подключить больного к ИВЛ, не забрызгавшись вирусом с головы до ног – в буквальном смысле.

У нас вроде бы есть броня, но ее недостаточно. Теперь, просто чтобы увидеться с пациентом, я должен надеть шапочку для волос, маску-респиратор № 95, защитный экран для лица, бумажный халат поверх обычного и две пары перчаток. Нам прислали видеоинструкции, в каком порядке надевать каждое СИЗ, и за нами наблюдают специальные люди, чтобы убедиться, что мы ничего не забыли и готовы ринуться в бой. Как-то нелепо, что этот маленький фильтр

на моем лице – единственная защита от вируса. Чтобы надеть СИЗ, требуется шесть минут, а чтобы снять – все двенадцать, так как именно тогда шансы заразиться максимально высоки. В костюме ужасно жарко, все зудит и вообще противно, но я все думаю, каково, должно быть, пациентам, ведь мы ведем себя, словно у них чума.

Впрочем, быть может, так оно и есть.

Мы стараемся не задерживаться в их палатах. Мы не трогаем их без крайней на то необходимости. Никто на самом деле не знает, как долго вирус остается активным на открытом воздухе, поэтому мы предполагаем худшее. Покинув палату, мы снимаем перчатки, выбрасываем их в мусорное ведро и моем руки. Затем мы выбрасываем в мусор шапочку для волос и снова моем руки. Халаты складываются в специальное пластиковое ведро, после чего мы вновь моем руки. Затем мы снимаем защитный экран и моем руки еще раз. Маски-респираторы приходится использовать повторно, потому что их не хватает. Мы кладем их в специальные ящички, помеченные нашими именами, и в сотый раз моем руки. В Италии врачи носят костюмы, как для защиты от радиации, а я протираю свою маску гребаной влажной салфеткой.

Костяшки пальцев на моих руках кровоточат, кожа потрескалась.

Впрочем, мне не на что жаловаться.

Сегодня пришлось делать экстренную криотиреотомию пациенту с ковидом. У него могли вот-вот отказать легкие и остановиться сердце. Я вызвал бригаду из ОРИТ, но у парня была слишком толстая шея, и реаниматолог-анестезиолог не смог найти нужное место и интубировать пациента достаточно быстро. Там были только я, анестезиолог, медсестра и мужчина, хватающий ртом воздух. Мне пришлось вмешаться и сделать экстренную коникотомию, чтобы обезопасить дыхательные пути и интубировать его, пока не стало слишком поздно. Я страшно испугался, потому что, если сделать что-то неправильно, если допустить хотя бы одну малюсенькую ошибку, можно заразиться. Мне пришлось сжать кулаки, чтобы унять дрожь в руках, прежде чем сделать разрез. Я уговаривал себя сделать все максимально быстро и правильно, чтобы как можно скорее убраться к чертовой матери из палаты и привести себя в порядок.

Когда все закончилось, мы с анестезиологом выскочили из палаты, как ошпаренные. Я успел снять все свое снаряжение в нужной последовательности и вымыть руки, прежде чем, потянувшись за антисептиком, понял, что медсестра осталась в палате, где воздух насыщен молекулами вируса. На вид ей было лет двадцать пять. Она гладила руку пациента, и я заметил, как она смахнула слезу со щеки несчастного, который крепко спал. Она разговаривала с ним, хотя пациент был под действием успокоительного и не мог ее слышать.

То есть я тут жалуясь на то, что приходится делать разрез в бумажном скафандре, а она оказывала настоящую, реальную помощь пациенту.

И я подумал: она гребаный герой.

Не знаю, зачем я тебе это рассказываю. И все же мне приятно знать, что ты меня слушаешь.

Не могу сказать, как долго я просидела на главной улице Пуэрто-Вильямиля, перечитывая электронное письмо Финна вновь и вновь. Солнце припекает голову. Описание дел в городе и больнице кажется мне ужасно мрачным, нереальным. Как могло так многое измениться всего за сорок восемь часов?

Внезапно я понимаю, каким ребячеством выглядят со стороны мои переживания из-за того, что я живу не в забронированном мной отеле, или того, что мне нечего есть. Я ни за что на свете не стану жаловаться Финну на жизнь, а потому набираю на телефоне:

Здесь так красиво. Глаза разбегаются: вода тут такая прозрачная, что можно разглядеть рыбу, проплывающую по дну океана. Куски застывшей лавы такие картинно-причудливые, а пересекающие главную улицу игуаны такие неторопливые и спокойные.

Местный народ крайне дружелюбен.

Я рассказываю ему про морского льва на причале в Санта-Крус и про беспокойную поездку на пароме, но умалчиваю о толпе обезумевших туристов, встретивших нас на Исабеле.

Плохо лишь то, ну, кроме отсутствия связи, что рядом нет тебя.

Просто невыносимо осознавать, что я здесь, а ты – там, в самой гуще событий. Я хотела бы быть рядом с тобой.

Я не уточняю, что, даже если бы я и решилась вернуться домой, добраться до Нью-Йорка у меня нет никакой возможности.

Я нажимаю кнопку «Отправить».

Затаив дыхание, я вглядываюсь в экран телефона, пока на нем не появляется уведомление:

Подключение к Интернету отсутствует.

В сфере продаж произведений искусства видеопрезентации менее существенны, чем печатные каталоги. Гораздо важнее, чтобы ваши клиенты имели возможность внимательно изучить превосходные по качеству фотографии, прочесть провенанс, а также определить – по размещению в каталоге, – насколько тот или иной предмет искусства значим. Окончив программу «Сотбис», я получила степень магистра в области арт-бизнеса. После годичной подготовки в 2014-м меня взяли младшим каталогизатором в отдел продаж «Имп-мод». Моя работа состояла в том, чтобы придумывать подписи к фотографиям. Специалист заполучал картину для аукциона, но моей задачей было вдохнуть жизнь в тот или иной лот.

Библиотека «Сотбиса» на самом деле представляет собой ряды стеллажей с книгами, расставленных в коридорах каждого этажа нашего здания. Как каталогизатору, мне нужно изучить все доступные материалы, чтобы собрать воедино сведения о первоначальной рыночной стоимости произведения, стоимости аналогичных работ на рынке и любые пикантные подробности, чтобы разнообразить подписи к фотографиям. Легко привлечь внимание покупателей к тому или иному произведению с помощью детали, которая отложится в их сознании, – штрих, который выделит его из ряда подобных: то, что картина была написана за день до встречи художника со своим покровителем; то, что это была первая работа живописца маслом; то, что на сюжет оказали влияние Дега, Гоген или Сезанн. Каждый фрагмент описания того или иного лота был составлен, отредактирован и подан так, чтобы заинтересовать покупателя и держать в напряжении все то время, пока он перелистывает одну за другой страницы каталога.

На практике это означало, что в течение дня мне редко удавалось присесть, ну разве что иногда за компьютер, чтобы набрать текст. А потом я передавала макеты и правки от одного специалиста другому, после чего относила их в отдел по маркетингу и наконец оставляла в художественном отделе, где каталог готовили к печати. Кроме того, приходилось все делать в сжатые сроки, поскольку отправить каталог в печать было необходимо задолго до предстоящего аукциона.

Именно по этой причине как-то раз после трех лет работы в «Сотбисе» я решила воспользоваться лестницей вместо лифта. Мой тогдашний босс Ева Сент-Клерк к тому времени уже возглавляла отдел продаж «Имп-мод». Я должна была безотлагательно сообщить ей что-

то крайне срочное и, поскольку лифт долго не приезжал, решила спуститься по лестнице. Но я так спешила, что споткнулась и полетела головой вперед, не расшибившись только благодаря тому, что выставила вперед левую руку.

Я пришла в себя уже на лестничной площадке: колготки порваны, на колене ссадина. Лежа на полу в странной неудобной позе, я решила быстренько сбежать наверх и надеть запасную пару колготок, которую храню в своем столе, чтобы Ева Сент-Клерк, едва взглянув на меня, разочарованно не вздернула бровь. Я попыталась выпрямиться и чуть не потеряла сознание от прокатившейся по всему телу волны жуткой боли.

Вновь обретая способность дышать, я вытащила телефон из кармана пиджака, набрала одной рукой сообщение: «На помощь» – и отправила его Родни.

К тому времени, когда он обнаружил меня на лестничной площадке, я уже сидела, прислонившись к стене, вытянув ноги перед собой и обхватив левую руку правой. Родни помог мне подняться и повел к ближайшему лифту.

– Мы едем в больницу, – объявил Родни и, взглянув на мое запястье, поморщился. – Выглядит жутко и неестественно.

– Я не могу просто взять и уйти. Ева...

– ...вряд ли обрадуется судебному иску из-за того, что ты свалилась с лестницы, торопясь успокоить ее величество.

Мы спустились на первый этаж, и Родни повел меня через вестибюль к выходу. Отделение неотложной помощи Пресвитерианской больницы Нью-Йорка находилось всего в нескольких кварталах от нашего офиса. Мы постоянно слышали звук сирен «скорой помощи».

Приемный покой был заполнен лишь наполовину: там были матери, баюкающие плачущих малышей, пожилой мужчина с сильным кашлем, пара, яростно перешептывающаяся о чем-то на испанском, и молодой человек в костюме строителя, прижимающий окровавленное полотенце к ране на бедре. Медсестра на ресепшене записала мои данные, и через сорок пять минут меня вызвали.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой? – спросил Родни; хотя мне очень хотелось ответить «да», я решила вести себя как взрослая девочка и покачала головой. – Отлично, потому что от этого номера журнала «Пипл» за две тысячи шестой год невозможно оторваться.

Меня провели через двойные двери в маленький кабинет и усадили на кушетку. Все это время я старалась лишней раз не трогать руку, которая словно бы полыхала от боли. На меня навалилось все и сразу: боль, горящие сроки по каталогу, возможный перелом. Слезы покатались по щекам, из носа потекли сопли, а когда я попыталась здоровой рукой дотянуться до пачки салфеток, стоявшей рядом с кушеткой, коробка упала на пол, и я разревелась.

В этот момент в кабинет вошел врач – высокий мужчина, чьи светлые волосы постоянно падали ему на глаза.

– Мисс О’Тул? Я доктор Колсон, ординатор в... – Он заглянул в мою карту. – Я так понимаю, вы упали... – Тут мужчина посмотрел на меня, и его брови моментально взлетели вверх. – С вами все в порядке?

– Если бы со мной было все в порядке, – всхлинула я, – я бы не находилась сейчас в отделении неотложной помощи.

– Расскажите, что с вами случилось, – попросил врач.

Пока я описывала свое падение, он осторожно коснулся моего локтя и запястья, а затем начал медленно их вращать, остановившись, когда я ахнула от боли. Его пальцы были такими теплыми и двигались с такой уверенностью. Врач задал мне несколько вопросов, проверяя на сотрясение мозга, затем осмотрел царапину на моем колене и синяк, образовавшийся на бедре.

– Вы всегда так торопитесь? – наконец поинтересовался он.

Его вопрос застал меня врасплох.

– Наверное, – нерешительно ответила я.

Впервые с начала осмотра наши глаза встретились.

– Полагаю, это не так уж плохо, если вы точно знаете, куда направляетесь, – заметил врач.

– Сегодня так говорят вместо «примите две таблетки аспирина и перезвоните мне наутро»?

– Нет. Без рентгена я вас не отпущу. – Он слегка улыбнулся одной стороной рта. – Плохая новость состоит в том, что у вас, скорее всего, сломана рука. Хорошая же новость состоит в том, что, если у вас все в порядке с чувством юмора, смерть в мою смену вам не грозит.

– Просто прекрасно, – пробормотала я.

– Так и есть, – согласился врач. – Я бы не хотел, чтобы пострадал мой рейтинг на [yelp.com](#)²⁴. – Он выглянул из кабинета и сказал что-то проходящей мимо медсестре, а затем вновь повернулся ко мне. – Вас отвезут на рентген и сделают снимок, а после вы вернетесь в этот кабинет.

Я кивнула, а затем добавила:

– Меня кое-кто ждет в приемном покое. Вы не могли бы сообщить ему, что меня везут на рентген?

Врач тут же выпрямился:

– Да, конечно, мы передадим новости о вашем состоянии вашему молодому человеку.

– Мы просто работаем вместе, – уточнила я. – Его зовут Родни. Это он привез меня сюда. Вы легко его узнаете – он единственный на весь приемный покой одет от-кутюр.

– Нельзя не любить героя в костюме «Прада», – ухмыльнулся врач.

На то чтобы сделать снимок моей руки и поставить диагноз, ушел целый час. Когда доктор Колсон вернулся в кабинет, я лежала на кушетке, стараясь не шевелить больной рукой. Он поднес к моим глазам планшет с рентгеновским снимком и указал на хорошо различимую линию перелома в моей кости.

– Перелом без смещения, – резюмировал врач.

– И что это значит? – отозвалась я.

– Это значит, что вам не нужна консультация ортопеда. Я наложу вам гипс, и можете идти.

Он показал, как именно мне следует вытянуть вперед руку и оттопырить большой палец, после чего надел на мою руку гипсовый лонгет, затем взял бинт и принялся обматывать им руку, словно я была мумией. Все это время доктор Колсон не переставал расспрашивать меня: как долго я работаю в «Сотбисе»? Изучала ли я историю искусств в колледже? Что мне больше нравится – современное искусство или импрессионисты? Врач также рассказал немного о себе: вот уже год как он работает ординатором в отделении хирургии, а в данный момент отрабатывает положенные две недели в неотложке. Затем он признался, что это был его первый гипс.

– Мой тоже, – сказала я.

Гипсовый лонгет почти застыл, когда доктор Колсон предложил мне выбрать цвет бинта для последнего слоя повязки: голубой, оранжевый, хаки или ярко-розовый.

– Я сама могу выбрать цвет? – изумилась я.

– Бонус для первых клиентов, – улыбнулся врач.

– Розовый, – уверенно ответила я. – Хотя Родни сказал бы, что он не подходит ни к одной вещи из моего гардероба.

– Выберите цвет, который вам не надоест в течение следующих шести недель, – предложил доктор Колсон. – Если вы любите все сочетать, выбирайте голубой, под цвет ваших глаз. – Сказав это, врач покраснел и опустил голову, сосредоточившись на последнем слое моей повязки.

---

²⁴ *Yelp* – веб-сайт для поиска исполнителей на рынке услуг с возможностью добавлять и просматривать рейтинги и обзоры этих услуг. Запущен в октябре 2004 г. в Сан-Франциско, но к 2013 г. география сервиса включала уже 111 стран.

Наконец он закончил перевязку, и я попробовала пошевелить рукой, чтобы оценить проделанную работу.

– Неплохо для новичка, – резюмировала я. – И точно заслуживает пяти звезд на *yelp.com*.

– Ух! – Врач смахнул со лба воображаемый пот и рассмеялся.

– Что ж, – я посмотрела на него снизу вверх, – я могу идти?

– Секундочку. – он достал из кармана своего белого халата черный маркер. – Можно мне расписаться на вашем гипсе?

Я улыбнулась и кивнула.

Доктор написал на моем гипсе свое имя – Финн – и номер телефона.

– На случай осложнений, – пояснил он, встретившись со мной взглядом.

– Мне кажется, это нарушение врачебной тайны или чего-то в этом роде.

– Только если вы являетесь моим пациентом. Но к счастью для меня, – он протянул мне бумаги для выписки, – вы больше не мой пациент.

Прежде чем я вернулась в приемный покой, мы договорились пообедать следующим вечером. Я практически не чувствовала боли в своей руке. Родни все еще ждал меня, лежа поперек четырех стульев. Он посмотрел сначала на меня, затем на подпись на моем гипсе и сказал:

– Девочка моя.

Прочитав письмо Финна, я решаю во что бы то ни стало вернуться в Америку, даже если для этого мне придется переплыть океан. Я иду к себе в комнату, чтобы собрать вещи, а затем возвращаюсь в Пуэрто-Вильямиль. Исабела почти не подает признаков жизни, но все же в городе больше шансов найти способ добраться до аэропорта на Бальтре.

Я торчу на пристани уже около часа, когда наконец замечаю вдали маленькую лодку с пыхтящим двигателем. С такого расстояния мне трудно разглядеть сидящего в ней человека. Размахивая руками, я быстро сбегая вниз к причалу. Из лодки выпрыгивает мужчина и, даже не взглянув в мою сторону, начинает швартоваться.

– *Hola*, – осторожно начинаю я, не зная, хватит ли моего испанского для того, чтобы озвучить просьбу.

Мужчина тем временем выпрямляется, вытирает влажные руки о шорты и наконец поворачивается ко мне – и тут я понимаю, что передо мной вчерашний незнакомец из Центра разведения гигантских черепах, который был так груб со мной.

– *No es cierto*²⁵, – бормочет он и на секунду прикрывает глаза, словно молясь, чтобы я исчезла.

Что ж, по крайней мере, я знаю, что он говорит по-английски.

– Еще раз здравствуй, – с улыбкой повторяю я. – Я хотела спросить, не могу ли я взять твою лодку напрокат?

Он лишь качает головой.

– Прости, но это не моя лодка, – отвечает он и, словно не замечая меня, проходит мимо.

– Но ты только что был в... – Я пытаюсь его нагнать. – Слушай, я понимаю, что наше знакомство прошло не совсем гладко. Но у меня чрезвычайная ситуация. – (Он останавливается, скрестив руки на груди.) – Я заплачу. – Я не собираюсь сдаваться. – Я заплачу, сколько скажешь, только отвези меня, пожалуйста, на Санта-Крус.

У меня не так много наличных, но в Пуэрто-Айоре наверняка есть банкоматы.

– А что там, на острове Санта-Крус? – прищурившись, уточняет незнакомец.

– Аэропорт, – отвечаю я. – Мне нужно домой.

---

²⁵ Не может быть (*исп.*).

– Даже если ты попадешь на Санта-Крус, аэропорт тебе не поможет. Все рейсы и туда, и обратно отменены.

– Пожалуйста! – умоляю я.

Наконец он смягчается или мне так только кажется.

– Я не могу отвезти тебя туда. На острове строгий карантин. За его соблюдением следят федеральные власти.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не разреветься.

– Я знаю, ты считаешь меня глупой туристкой. Я должна была уехать на последнем пароме, ты прав, – признаю я. – Но я не могу оставаться здесь бог знает сколько времени, пока люди, которых я люблю, находятся в... – Слова застревают у меня в горле; я пытаюсь сглотнуть и продолжаю: – Неужели ты никогда не ошибался?

Он вздрагивает, как будто я влепила ему пощечину.

– Послушай, мне все равно, что станет со мной, – отвечает незнакомец. – Но если тебя арестуют за поездку на Санта-Крус, домой ты все равно не попадешь. – Он меряет меня взглядом, от макушки до кончика кроссовок. – Надеюсь, ты что-нибудь придумаешь, – добавляет он и, коротко кивнув, уходит прочь.

Я остаюсь одиноко стоять на причале.

Ближе к вечеру, хотя моя голова все еще забита мыслями о том, чтобы выбраться с острова, я начинаю размышлять над другим вопросом: как много людей осталось на Исабеле вместе со мной?

Мне начинает казаться – пусть это и полная чушь, – что я последний человек на земле. После стычки с тем засранцем в Центре разведения гигантских черепах я не видела ни единой живой души. В той части дома, где живет Абуэла, нет ни движения, ни света. Пляж совершенно пуст. Допустим, из-за угрозы коронавируса на Исабелу не пускают туристов, и все же мне кажется, что я попала на съемочную площадку очередной антиутопии. Декорации превосходные, но в них дико одиноко.

Я вдруг понимаю, что бреду в том же направлении, что и вчера, к Центру разведения гигантских черепах, вот только сегодня я, похоже, заблудилась и вместо черепах вижу перед собой деревянную дорожку, ведущую в мангровый лес. Скрученные ветви деревьев надо мной, словно руки с длинными пальцами, согнутыми в костяшках, кажутся какими-то бесцветными. Здесь пустынно и как-то причудливо красиво, словно я в сказке и из-за дерева вот-вот должна выскочить ведьма. Вот только в этом лесу я совсем одна, если не считать игуаны на деревянных перилах, зубцы на гребне которой встают дыбом, когда я прохожу мимо.

Я замечаю указатель на Конча-де-Перла, и что-то щелкает в моей памяти: помню, как отметила это место в путеводителе, который затерялся вместе с моим багажом, как интересное для нас с Финном. Кажется, Конча-де-Перла подходит для снорклинга, поскольку застывшая лава, обхватив небольшую часть океана, словно пара рук, превратила ее в естественную лагуну. У меня нет с собой необходимого снаряжения, но я вся вспотела и умираю от жары, а потому мечта о том, чтобы нырнуть в прохладную воду, становится чем-то вроде навязчивой идеи.

Памятуя об отравленных яблоках, я оглядываюсь в поисках запрещающих знаков, но не нахожу никаких предупреждающих об опасности табличек. Деревянная дорожка заканчивается небольшим крытым причалом, который выходит прямо к воде. Два морских льва распластались на досках, и вокруг них, словно контуры на месте преступления, темнеют влажные следы. Животные никак не реагируют на мое приближение, а я, перегнувшись через перила, вглядываюсь в водную гладь: зеленоватую, но прозрачную, – в этот момент прямо подо мной проплывает семейство морских черепах.

Что ж... Если я последний человек на земле, мне повезло оказаться не в самом худшем месте.

Я скидываю с себя кроссовки, стягиваю носки и прячу их под скамейкой на крытом причале. словно экспедиционист, я раздеваюсь, но здесь никого больше нет, а у меня слишком мало одежды, чтобы намочить ее. В спортивном лифчике и трусиках я начинаю спускаться по лестнице в воду. Погрузившись в воду по колени, я делаю небольшую паузу, а затем ныряю в лагуну.

Вода приятно охлаждает кожу, и когда я стою, то пальцами ног почти касаюсь песчаного дна. По краю лагуны растут мангровые деревья, а сквозь рябь воды можно различить черные тени застывшей лавы. Кое-где бугорки лавы выглядывают над поверхностью воды – острые, как зубы какого-то гигантского животного. Несколько мгновений я топчусь на месте, а затем беру курс на эти лавовые островки. Солнце жарит так сильно, что мне кажется, будто я нахожусь совсем рядом с ним. Я ложусь на спину и плыву, глядя на облака, неспешно движущиеся по небу.

Внезапно я чувствую, как меня кто-то тыкает в бок. Вздвогнув, я ухожу под воду, а когда выныриваю, наглотавшись воды, вижу перед собой парочку пингвинов, которые, похоже, совсем не ожидали встретить меня здесь, впрочем, как и я – их.

– Приветтики, – шепчу я, ухмыляясь.

Каждый из них размером с мое предплечье, окрас напоминает смокинг, а вместо глаз – желтые точки. Я осторожно протягиваю руку, приглашая подплыть поближе. Один из пингвинов уходит под воду и почти тут же выныривает где-то слева от меня.

А второй клюет меня так сильно, что выступает кровь.

– Господи! – вырывается у меня, и я тут же пытаюсь отплыть от пингвина как можно дальше, зажимая рукой рану на плече.

Рана вроде бы пустяковая, но болит довольно сильно.

Я вспоминаю детские рассказы о пингвинах, которые заставляют нас считать их дружелюбными и милыми животными. Быть может, они просто ревностно защищали свою территорию? Быть может, я нарушила какие-то невидимые границы и случайно заплыла в их часть лагуны? В попытке дистанцироваться от агрессивных птиц я отплываю все дальше от причала, в сторону зарослей мангровых деревьев с их запутанными корнями.

Я лениво плыву вдоль края лагуны, опасаясь новой встречи с пингвинами. Меня не покидает ощущение, что за мной кто-то следит.

На мне нижнее белье, которое, собственно, мало чем отличается от бикини, и все же мне не хочется, чтобы меня застали в нем врасплох. Дважды я оглядываюсь через плечо, но даже отсюда вижу, что на причале по-прежнему никого нет.

Внезапно позади меня раздается всплеск воды.

Я резко оборачиваюсь на звук, но не могу ничего различить сквозь брызги.

Я поворачиваюсь обратно, но вновь слышу всплеск воды.

Обернувшись, в футе от себя я замечаю морского льва, с любопытством глядящего на меня.

Взгляд его черных глаз кажется немного сентиментальным, а бакенбарды – аккуратно подстриженными. Под водой его тело напоминает холмик мышц, который удерживают в вертикальном положении мощные взмахи хвоста.

Плоская поверхность плавника вспарывает воду, и на меня снова летят брызги.

В ответ я брызгаю водой на него.

Мгновение мы просто смотрим друг на друга. Морской лев поводит носом, а затем вновь хлопает плавником по морской глади, посылая новую струю воды мне в лицо.

Я начинаю смеяться, а он уходит под воду и появляется на поверхности в нескольких футах от меня. Не переставая улыбаться, я тоже ныряю, а когда я выныриваю и убираю волосы с лица, то обнаруживаю нового знакомца всего в футе от себя. На этот раз я задерживаю дыхание

и, вновь нырнув, делаю кувырок и остаюсь под водой, чтобы понаблюдать, как морской лев делает то же самое.

Мы словно ведем с ним молчаливый диалог.

Я в полном восторге. Мы продолжаем играть, имитируя движения друг друга. Однако вскоре, уставшая, я поворачиваю обратно к причалу. Какое-то время морской лев следует за мной. Тяжело дыша, мы выныриваем возле самого причала. Мой новый знакомый пахнет рыбой.

Я медленно протягиваю руку в надежде, что, может быть, сейчас, после того как у нас установилось что-то вроде дружеских отношений, он позволит мне себя погладить. Но прежде чем дотронуться до его мокрого меха, я обнаруживаю в самом центре ладони каплю крови.

В ужасе я отдергиваю руку. Я порезалась о какой-то выступ? Я не заметила, как пингвин успел клюнуть меня в ладонь? И в этот момент вторая капля падает в воду, тут же превращаясь в кровавые разводы.

Я поднимаю взгляд и понимаю, что капает откуда-то сверху, с причала.

Вскарабкавшись по скользким ступенькам, я вижу девочку. Она сидит, прислонившись спиной к угловому столбу причала. Девочка, совсем подросток, на вид ей лет двенадцать. Похоже, увидев меня, она была удивлена не меньше, чем я. Девочка тут же опускает задраный рукав толстовки, и все же я успеваю заметить на ее запястье дорожку из порезов, один из которых все еще кровоточит.

– У тебя все хорошо? – интересуюсь я, подходя поближе.

Но она тут же засовывает руки в карманы толстовки и выставляет вперед острые коленки.

Я никогда не резала себя, но одна девочка из моей школы периодически намеренно причиняла себе боль, так как ее мать умирала от рака яичников. Однажды мы обе в ожидании школьного психолога сидели на скамейке возле ее кабинета. Я обратила внимание, что она трогает шрамы на предплечье, которые напомнили мне отметки на дверном косяке моей спальни – каждый год в мой день рождения папа ставил меня к нему, чтобы измерить мой рост. Заметив, что я рассматриваю ее шрамы, девочка перестала их теревить и грубо спросила: «Чего тебе?»

Черные волосы незнакомки с причала заплетены в неряшливую косу, ее глаза совершенно сухие. Кажется, девочку страшно раздражает присутствие постороннего в ее тайном убежище.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает она, словно обвиняя меня в ужасном преступлении.

– Плаваю, – просто отвечаю я.

И тут мои щеки заливают румянец, потому что до меня доходит, что на мне надето. Я кидаюсь под скамейку, выхватываю оттуда позаимствованную футболку и натягиваю ее через голову.

– Лагуна закрыта для посетителей, – говорит девочка.

Внезапно я понимаю, почему она кажется мне знакомой: мы вместе прибыли сюда на пароме. Она еще плакала, сидя на скамейке.

– Ты намеренно причиняешь себе боль? – спрашиваю я.

– Как и весь остров, – продолжает девочка, словно не слыша моего вопроса. – Из-за вируса ввели комендантский час с двух часов дня.

Я смотрю на низко висящее на небе солнце и начинаю догадываться, почему Пуэрто-Вильямиль показался мне настоящим городом-призраком.

– Я не знала, – честно признаюсь я и, нахмутив брови, интересуюсь: – Но если на всем острове комендантский час, то что здесь делаешь ты?

Не вынимая рук из карманов, девочка резко вскакивает.

– А мне плевать! – С этими словами она пускается бежать по деревянной дорожке, ведущей от причала в лес.

– Подожди! – кричу я и бросаюсь за ней вдогонку.

Но деревянный настил обжигает мои босые ноги, и, морщась, я вынуждена остановиться в тени. К тому времени, когда я, прихрамывая, возвращаюсь на причал за джинсами и кроссовками, морской лев тоже куда-то исчез.

Только на полпути домой до меня наконец доходит, что таинственная незнакомка говорила со мной по-английски.

Я слышу доносящиеся от дома Абуэлы крики еще до того, как он оказывается в зоне моей видимости. Пожилая женщина стоит на крыльце и пытается успокоить мужчину, который в чем-то с ней явно не согласен. Каждый раз, когда она касается его руки, он раздражается потоком испанской речи.

– Эй! – окрикиваю я обидчика, подбегая к дому. Я вижу, как бедная Абуэла сгибается, словно ива, под исходящим от мужчины раздражением. – Оставь ее в покое!

Оба удивленно оборачиваются на звук моего голоса.

Это же тот самый засранец из Центра по разведению гигантских черепах... Опять!

– Ты? – недоуменно выдыхаю я.

– Это не твое дело... – начинает он.

– Думаю, мое, – перебиваю я. – Что дает тебе право кричать на женщину, которая...

– ...является моей бабушкой, – заканчивает он.

Лицо Абуэлы покрывается тысячами мягких складочек.

– *Mijo*²⁶, – говорит она, похлопывая его по руке. – Габриэль.

Я качаю головой, словно не в силах в это поверить.

– Я Диана, – наконец отвечаю я. – Твоя бабушка очень любезно предложила мне пожить у нее, узнав, что мой отель закрыт.

– Это моя квартира, – заявляет он.

То есть он хочет, чтобы я съехала? Из-за этого они повздорили?

– *Моя* квартира, – повторяет он, делая ударение на первом слове, как будто я могла не понять с первого раза. – Та, которую ты так бесцеремонно заняла.

– Я могу заплатить. – Достав из кармана пачку наличных, я протягиваю ему большую часть своих денег.

При виде денег Абуэла качает головой и отталкивает протянутую руку. Ее внук Габриэль, подавшись вперед, тихо шепчет ей:

– *Tómalo. No sabes por cuánto tiempo serán las cosas así*²⁷.

Пожилая женщина кивает, ее губы вытягиваются в тонкую линию. Она берет деньги из моих рук, складывает пополам и засовывает в карман платья.

Сверкая глазами, Абуэла что-то говорит Габриэлю, и на мгновение у него хватает такта выглядеть смущенным.

– Моя бабушка хочет, чтобы я сказал тебе: я съехал месяц назад, а значит, она может пустить в эту квартиру любого, кого пожелает. – Прищурившись, он вновь окидывает меня взглядом с головы до ног. – Кстати, почему ты не в квартире?

– Прости, – отвечаю я. – Я не совсем понимаю. Так ты хочешь, чтобы я там осталась или нет?

– На острове комендантский час. – Его взгляд останавливается на моих мокрых волосах. – С тебя капает. На мою рубашку.

Боже мой, любая мелочь оборачивается для него личным оскорблением!

Внезапно лицо Габриэля меняется.

---

²⁶ Сынок (*исп.*).

²⁷ Возьми. Кто его знает, как долго все это будет продолжаться (*исп.*).

– Господи Иисусе! – восклицает он и бросается к кому-то на улице.

Подбежав поближе, он останавливается в нерешительности, словно не зная, обнять его или придушить.

В конце концов радость берет в нем верх. Он крепко обнимает встречного, а глаза Абуэлы, которая продолжает с крыльца наблюдать за внуком, наполняются слезами. Она крестится.

Я не знаю, что именно говорит Габриэль, потому что он разговаривает с ним на испанском. Но я могу рассмотреть лицо его собеседника. Это девочка с причала в Конча-де-Перла. Рукава толстовки закрывают ее порезы. Она ловит на себе мой взгляд и молчаливо умоляет меня сохранить ее тайну.

Глава 3

Следующие несколько дней похожи друг на друга как две капли воды. Утром я бегу вдоль пляжа, насколько хватает сил, затем прогуливаюсь до Центра разведения гигантских черепах и Конча-де-Перла. Я выбираю тропинки, которые ведут меня в самое сердце Исабелы или к ее скалистым оконечностям. Иногда я встречаю местных жителей, которые лишь молча кивают мне в знак приветствия. Не знаю, отчего они держатся так отстраненно – оттого, что я могу их заразить, или оттого, что я иностранка? Я смотрю, как рыбаки отчаливают от пристани Пуэрто-Вильямиля на небольших *rangas*²⁸, чтобы наловить еды для своих семей.

Я просыпаюсь до восхода солнца и ложусь спать раньше восьми часов вечера, потому что могу провести на улице только половину дня. После двух часов дня, когда наступает комендантский час, я запираюсь в своей квартирке и читаю электронную книжку. Надеюсь, загруженных в нее книг хватит надолго. Затем я выбираюсь во внутренний дворик, примыкающий к пляжу, качаюсь в гамаке и наблюдаю за тем, как местные крабы убегают от прибой.

Абуэла иногда приносит мне поесть, и это хорошая альтернатива пасте, которую я вынуждена есть чаще всего.

Я больше ни разу не видела ни ее внука, ни девочку с причала.

Я начинаю разговаривать сама с собой, боясь потерять голос от недостатка практики. Иногда, прогуливаясь по колючей пустыне в центре острова, я читаю стихи, которые учила еще в старших классах школы:

Сударыня, будь вечны наши жизни,
Кто бы стыдливость предал укоризне?²⁹

Иногда, стирая в раковине свою одежду, а затем отжимая и развешивая ее сушиться на жарком солнце, я напеваю себе под нос. Иногда я позволяю океану мне подпевать.

Я всегда скучаю по Финну.

Поговорить с ним мне так до сих пор и не удалось, но каждый вечер я пишу ему открытки. Надеюсь все же где-нибудь достать марки и отправить свои послания ему по почте. Быть может, мне также повезет обнаружить магазин, где продают мобильные телефоны, и я найду наконец способ отправить эсэмэску в Нью-Йорк. А еще мне нужна одежда, потому что скоро я застираю свой гардероб до дыр. Те немногие магазины, которые все еще открыты, похоже, не работают по обычному графику, и я все время неправильно рассчитываю время. Всякий раз приходя в город, я периодически замечаю признаки жизни то в аптеке, то в ларьке с шаурмой, то в церкви. Сегодня вечером я вновь попытаю счастья в Пуэрта-Вильямиле.

---

²⁸ Моторных лодках (*исп.*).

²⁹ Первые строки стихотворения «К стыдливой возлюбленной» Эндрю Марвелла в переводе Г. М. Кружкова.

Еще до восхода солнца я выхожу на пробежку и бегаю, пока мои легкие не начинают гореть. Достигнув черной массы застывшей лавы с острыми, словно шипы, выступами, я сажусь на песок и смотрю, как звезды пропадают в небе, словно искры в очаге. Я успеваю вернуться домой до прилива, который стирает мои следы на песке. Я оглядываюсь на пляж через плечо: кажется, меня там никогда и не было.

Я беру еще одну открытку из коробки и ложусь в гамак во внутреннем дворике своего жилища, собираясь закончить очередное послание Финну, но внезапно какое-то движение возле самой воды привлекает мое внимание. В мареве голубого света камни кажутся людьми, а люди – монстрами, и я вдруг понимаю, что, сама того не заметив, встала с гамака и бреду в сторону океана, пытаюсь рассмотреть, что же там происходит. И только оказавшись почти у кромки воды, я узнаю девочку из Конча-де-Перла. В одной руке у нее мешок для мусора. Словно почувствовав мое присутствие, она выпрямляется и оборачивается. Во второй руке она держит пластиковую бутылку из-под воды с китайскими иероглифами на этикетке.

– Китайские рыболовы не только занимаются браконьерством, – говорит она на безупречном английском, – но и выбрасывают за борт всякое дерьмо.

Девочка кивает в сторону остальной части пляжа, где я замечаю прочий выброшенный на берег пластик.

Она продолжает собирать мусор как ни в чем не бывало, словно сейчас не раннее утро и словно я не была свидетельницей ее порезов или стычки с Габриэлем.

– Твой брат в курсе, чем ты здесь занимаешься? – спрашиваю я.

Она смотрит на меня широко раскрытыми черными глазами.

– Мой брат? – переспрашивает она, а затем хмыкает. – Он мне не брат. И вообще не важно, знает он или нет. Мы ведь на острове, бежать особо некуда.

После встречи возле кабинета школьного психолога я стала частенько пересекаться с той девочкой, которая намеренно причиняла себе боль. Быть может, мы виделись и прежде, просто я не обращала на нее особого внимания. Как-то раз, встретив ее в коридоре школы, я сказала: «Тебе не следует этого делать. Ты можешь сильно пораниться». – «В том и смысл», – рассмеявшись, ответила она.

Я продолжаю наблюдать за тем, как моя новая знакомая засовывает в мешок одну пластиковую бутылку за другой.

– Ты так хорошо говоришь по-английски, – замечаю я.

– Я в курсе, – подняв на меня глаза, отвечает она.

– Я не хотела... – Я колеблюсь, не желая ее задеть или обидеть. – Просто приятно, когда есть возможность поговорить хоть с кем-нибудь. – Я наклоняюсь, поднимаю с земли очередную бутылку и протягиваю ее девочке. – Я Диана.

– Беатрис.

Вблизи она кажется чуть старше – возможно, ей лет четырнадцать-пятнадцать. Невысокого роста, с резкими чертами лица и бездонными глазами. На ней все та же толстовка, рукава которой спущены ниже запястий. На толстовке я замечаю герб школы. Кажется, общение со мной не доставляет девочке особой радости. Возможно, следует больше уважать чужое личное пространство. Но мне так одиноко, и всего несколько дней назад я застучала ее за намеренным причинением себе вреда. Быть может, не мне одной нужно поговорить хоть с кем-нибудь.

Исходя из опыта предыдущих наших встреч, я понимаю, что она скорее сбежит, чем доверится мне. Поэтому я тщательно подбираю слова, словно протягиваю хлебную корочку птичке в надежде, что она не улетит, а подойдет поближе.

– И часто ты приходишь сюда, чтобы собрать весь этот мусор? – небрежно спрашиваю я.

– Ну кто-то ведь должен это делать.

Я принимаюсь размышлять о том, что толпы туристов вроде меня, ежегодно приезжающих на Галапагосы, безусловно, поддерживают экономику островов. Однако, быть может,

перерыв в бесконечных потоках отдыхающих – это не так уж и плохо. Он даст природе возможность передохнуть.

– Так, значит, – возобновляю я наш разговор, – это твоя школа? – Я указываю на школьный герб на груди девочки. – Томас де Берланга?

Беатрис кивает:

– Она находится на Санта-Круссе, но сейчас школа закрыта. Из-за вируса.

– Так ты живешь на Санта-Круссе? – Я стараюсь не отставать от девочки.

– Пока в школе идут занятия, я живу там у принимающей семьи, – тихонько отвечает она. – Точнее, жила.

– Но родилась ты здесь, верно?

Беатрис резко поворачивается ко мне:

– Я здесь чужая.

«Как и я», – замечаю я про себя.

Мы продолжаем брести по пустынному пляжу.

– Значит, ты тут отдыхаешь.

– Ага, – фыркает Беатрис. – Примерно как вы.

Ее слова ранят меня в самое сердце: мой отдых совсем не похож на то, каким я себе его представляла.

– Почему ты ходишь в школу не на Исабеле?

– Меня перевели в ту школу, как только мне исполнилось девять лет. Это очень престижная школа. Мама записала меня в нее, чтобы навсегда увезти с Галапагосов и позлить отца, поскольку это было последнее, чего он хотел.

Я вспоминаю о собственных родителях. Они словно непересекающиеся множества в диаграмме Эйлера. А как бы мне хотелось оказаться в области их пересечения...

– Так он твой отец? – догадываюсь я. – Габриэль?

Беатрис вновь поднимает на меня глаза:

– К несчастью.

Он кажется мне слишком молодым, чтобы быть ее отцом. Вряд ли Габриэль сильно старше меня.

Внезапно Беатрис ускоряет шаг.

– Почему он кричал на тебя? – спрашиваю я.

– Почему вы меня преследуете? – Она поворачивается ко мне.

– Да я не... – И тут я понимаю, что действительно следую за ней по пятам. – Прости меня. Я просто... так долго ни с кем не разговаривала. Я почти не знаю испанского.

– *Americana*³⁰, – бормочет Беатрис.

– Вообще-то, я должна была приехать сюда со своим парнем. Но ему пришлось отказаться от поездки в последний момент. – Я читаю в ее глазах неподдельный интерес к своей истории. – Ему нужно работать, – объясняю я. – Он врач.

– Тогда почему вы остались на острове? – спрашивает она. – Когда вы узнали о том, что остров закрывают на карантин?

И правда, почему я осталась? Прошло всего несколько дней, а я уже не помню, что именно подвигло меня на такое решение. Возможно, мне показалось, что это станет отличным приключением?

– Если бы мне было куда идти, я бы тотчас же этим воспользовалась, – говорит Беатрис.

– Почему?

– Ненавижу Исабелу! – рассмеявшись каким-то грустным смехом, объясняет она. – Плюс отец хочет, чтобы я жила с ним в недостроенной лачуге на нашей ферме.

---

³⁰ Американка (исп.).

– Так он фермер? – Мне плохо удается скрыть свое удивление.

– Раньше он водил экскурсии, но теперь не водит.

«Вероятно, потому, – думаю я, – что клиенты его недолюбливали».

– Прежде бизнесом владел мой дедушка, но, когда он умер, отец не стал его продолжать. Раньше он жил в квартире, где сейчас живете вы, но потом перебрался в горы, а там нет ни воды, ни электричества, ни Интернета...

– Интернета? Так на острове есть Интернет? – Я понимаю, что все еще держу в руках открытку для Финна. – Я не могу ни отправить электронное письмо, ни позвонить своему парню... Поэтому я решила послать ему открытку. Но нигде не могу купить марки... Я даже не знаю, работает ли вообще почтовое...

– Дайте мне свой телефон, – требует Беатрис, протягивая руку. Я отдаю ей свой телефон, и она тут же лезет в его настройки. – В том отеле есть Wi-Fi. – Она кивает на здание, виднеющееся вдалеке. – Я ввела вам их пароль. Он, правда, чаще не работает, чем работает, к тому же если они закрыты, то, вероятнее всего, отключили модем. Если не сможете подключиться к их Wi-Fi, попробуйте купить в городе новую симку.

Я забираю телефон, и Беатрис наклоняется за очередной пластиковой бутылкой. Внезапно накатывает волна-разбойница, и девочке приходится закатать рукав, прежде чем она вспоминает о красных рубцах на своем запястье. Беатрис тут же прикрывает их ладонью и, дернув подбородком, с вызовом смотрит на меня, как бы провоцируя на комментарий.

– Спасибо, – осторожно говорю я, – что поговорила со мной, – и Беатрис пожимает плечами. – Если бы тебе захотелось, ну, знаешь, поговорить... еще раз... – Мой взгляд скользит по ее руке. – В ближайшее время мне вряд ли удастся покинуть этот остров.

По лицу Беатрис пробегает тень.

– Со мной все в порядке, – говорит она, вновь натягивая на запястье влажный рукав толстовки, и смотрит на открытку, которую я по-прежнему держу в руке. – Я могу отправить ее за вас.

– Правда?

Беатрис снова пожимает плечами:

– У меня есть марки. Не знаю насчет почтового отделения, но рыбакам разрешено вывозить свой улов за пределы острова, так что, вполне возможно, они возьмат и почту на Санта-Крус.

– Это было бы... – Мои губы расплываются в улыбке. – Это было бы просто здорово!

– Без проблем. Ладно. Мне пора идти отчитываться перед начальником тюрьмы.

Только теперь, оглядевшись вокруг, я понимаю, что мы с Беатрис дошли до самого города.

– Ты имеешь в виду отца? – уточняю я.

– *Tanto monta, monta tanto*³¹, – отвечает она.

Интересно, быть может, Габриэль так крепко держит Беатрис в узде именно потому, что знает о ее шрамах? Возможно, он совсем не злой, а просто отчаявшийся человек.

– Почему же ты не осталась со своей матерью? – вырывается у меня.

Беатрис качает головой:

– Ее нет с нами с тех пор, как мне исполнилось десять.

Мои щеки тут же покрываются румянцем.

– Мне так жаль, – бормочу я.

– Она не умерла, – хохочет Беатрис. – А сбежала на туристическом корабле «Нэшнл джиографик» в Нижнюю Калифорнию, чтобы трахаться там со своим парнем. Скатертью дорога!

---

³¹ «*Tanto monta, monta tanto, Isabel como Fernando*» (исп. «Все едино, Изабелла – то же, что и Фердинанд») – девиз брачного договора между Изабеллой I Кастильской и Фердинандом II Арагонским.

С этими словами Беатрис вскидывает мешок с мусором себе на плечо и уходит прочь. Она идет ровно по середине главной улицы города, и испуганные игуаны бросаются от нее врассыпную.

Владелица магазина «Солнцезащитные очки Сонни» прекрасно говорит по-английски, и здесь продаются не только очки, но и саронг, футболки, бикини неоновых цветов, карты памяти для фотоаппаратов и – ура! – сим-карты для международных разговоров, хотя в данный момент их нет в наличии. Мне по-прежнему не везет. Магазины находятся ровно в том месте, о котором говорила Беатрис, – на главной улице Пуэрто-Вильямира. По словам девочки, около полудня там всегда открыто.

Так и есть. Дверь распахнута настежь, и хозяйка сидит возле кассы, обмахиваясь каким-то журналом. Эта пышная дама, у которой пышное все: лицо, руки и живот, – смотрит на меня поверх украшенной вышивкой маски.

– *Tienes que usar una mascarilla*³², – говорит она, а я в ответ продолжаю просто смотреть на нее, разобрав в сказанной фразе лишь последнее слово, которое по звучанию похоже на английское «*mascara*», «тушь для ресниц», но на мне нет никакого макияжа.

– Я... *no habla español*³³, – заикаясь, отвечаю я, и глаза женщины тут же загораются.

– А-а, так ты *turista*! – восклицает она и, указав на свое лицо, поясняет: – Тебе нужна маска.

– Мне нужна не только она, – говорю я, окидывая магазин взглядом.

Я складываю на прилавок футболки с надписью «Галапагосы», две пары шорт, толстовку, бикини, маску для лица с принтом из маленьких перчиков чили и путеводитель по Исабеле с картой острова. Затем я показываю ей свой телефон, и женщина протягивает мне местную симку. Не представляя, кому из местных я буду звонить или отправлять эсэмэски, я все же покупаю ее. К сожалению, марки в магазинчике не продаются.

Наконец я достаю свою кредитку и спрашиваю:

– Вы, случайно, не знаете, где здесь ближайший банкомат?

– О! – Женщина вставляет мою карточку в старинный импринтер, предназначенный для оформления слипа. – На острове нет банкоматов.

– Даже в банке?

– Даже там. Вы также не можете здесь снять наличные со своей карты.

Я смотрю на ничтожную сумму денег, которая у меня осталась, после того как я заплатила Абуэле за квартиру, – тридцать три доллара. Минус проезд на пароме до острова Санта-Крус... При этих подсчетах мое сердце начинает бешено колотиться. Что, если мне не хватит наличных на то, чтобы протянуть здесь еще как минимум полторы недели?

Мою паническую атаку прерывает звон дверного колокольчика. В магазин входит еще одна женщина. На ее лице – маска, в руках она держит малыша, который тут же начинает извиваться в ее объятиях и звать хозяйку магазина. Посетительница опускает ребенка на пол, и он подбегает к хозяйке магазина и вцепляется ей в ногу, словно моллюск. Она сажает его к себе на колени.

Женщина, пришедшая с маленьким мальчиком, раздражается потоком речи, из которой я не понимаю ни слова. Внезапно она замечает, что в магазине еще кто-то есть, и поворачивается в мою сторону.

Она кажется такой знакомой, хотя я не могу понять почему. Но тут женщина вновь поворачивается к владелице магазина, и длинная черная коса хлещет ее сзади по спине. Я вспоми-

---

³² Вы должны надеть маску (*исп.*).

³³ Не говорю по-испански (*исп.*).

наю, что видела ее возле отеля, и, кажется, у нее был бейджик с надписью «Елена». Именно она сказала мне, что они «закрытые».

– Так ты не уехала? – спрашивает Елена.

– Я остановилась у... Абуэлы, – отвечаю я.

Я в курсе, что «абуэла» значит «бабушка» на испанском. Мне стыдно, что я не знаю настоящего имени своей благодетельницы.

– *La plena!*³⁴ – усмехается Елена, а затем вскидывает руки и, хлопнув дверью, покидает магазин.

– Ты живешь в старом доме Габриэля Фернандеса? – уточняет владелица магазина и после моего кивка тут же раздражается смехом. – Елена разозлилась, потому что сама хотела бы оказаться в его постели.

Я чувствую, как вспыхивают мои щеки.

– Я не... я не... – заикаюсь я, а затем качаю головой. – У меня дома есть парень.

– Как скажешь, – пожимает плечами хозяйка магазина.

Кому: DOToole@gmail.com

От кого: FColson@nyp.org

Я продолжаю проверять свой телефон в надежде получить от тебя письмо. Я знаю, это не твоя вина, но мне так хочется знать наверняка, что с тобой все в порядке. Плюс хорошие новости мне не помешают.

Этот вирус похож на шторм, который все никак не утихнет. Где-то в глубине души ты знаешь, что так не может продолжаться вечно. Вот только он все никак не заканчивается. И становится только хуже.

Обычные симптомы ковида – это высокая температура, боль в груди, кашель, потеря обоняния, металлический привкус во рту, гипоксия и страх.

Необычные – это боль в животе и рвота.

А заражаются ковидом в основном от бессимптомных пациентов, которые обращаются в «скорую помощь», потому что поранили руку, разрезая булочку.

Мой начальник призывает нас исходить из того, что у всех пациентов в нашей больнице есть ковид.

Он чертовски прав!

Но как ни странно, отделение неотложной помощи не сильно загружено. Никто больше не заходит туда без крайней необходимости, все слишком напуганы. Потому что никогда не знаешь, а вдруг парень со сломанной ногой, сидящий рядом с тобой в отделении неотложной помощи, болеет ковидом, просто бессимптомно? И не дай бог тебе кашлянуть где-нибудь в общественном месте, даже если у тебя обычная простуда. Все тут же повернут головы в твою сторону и будут смотреть на тебя как на террориста.

Поскольку никто не хочет лишней раз рисковать, большинство пациентов приезжают в больницу на «скорой помощи», когда уже не могут дышать.

Меня направили в одно из отделений реанимации и интенсивной терапии. Там чертовски шумно. Всякий раз при изменении одного из жизненно важных показателей больного раздается мерзкий писк и начинают мигать различные индикаторы. Аппарат ИВЛ чудовищно гудит, когда дышит за пациента. Хотя посетителей в палатах нет. Странно, что возле больных не сидят плачущие жены, а прочие члены семьи не держат их за руку.

---

³⁴ Толстуха! (исп.)

О, и каждый день у нас меняется протокол лечения. Сегодня мы даем гидроксихлорохин. Завтра, упс, нет, уже не даем. Сегодня мы пробуем давать больным ремдесивир, но антибиотики закончились. Кто-то из врачей назначает своим пациентам липитор, потому что он уменьшает воспаление. Другой пробует давать им фуросемид, который показан при острой сердечной недостаточности, чтобы вывести жидкость из легких, пораженных ковидом. Некоторые врачи считают, что от ибупрофена больше вреда, чем пользы, хотя никто не знает почему, поэтому вместо него теперь высокую температуру сбивают парацетамолом. Всех интересует вопрос: так ли эффективна плазма с антителами к ковиду? Но знать наверняка мы не можем, потому что у нас ее недостаточное количество.

Когда у меня выдается небольшая передышка, я читаю исследования о том, как борются с ковидом другие врачи в других городах и странах, какие клинические испытания проводятся. Это примерно как швырять дерьмо в стену, чтобы посмотреть, не прилипнет ли оно.

Сегодня у меня была пациентка с легочным кровотечением. Обычно в подобных случаях мы давали тысячу миллиграммов стероидов, чтобы остановить кровотечение, но врач сомневался в подобном решении, поскольку, согласно некоторым исследованиям, стероиды могут усугубить ковид. Наблюдая за тем, как колеблется мой коллега, я все не переставал думать: имеет ли значение, как именно мы будем лечить несчастную, если в любом случае ее ждет летальный исход?

Но вслух я ничего не сказал. Я вышел из палаты и сделал обход, прислушиваясь к легким, которые не в состоянии прогнать через себя воздух, и к сердцам, которые едва бились, затем проверил жизненно важные показатели и количество жидкости в легких. Я очень надеюсь, что мои пациенты смогут победить вирус до того, как у нас закончатся койки. В Нью-Йорк вскоре должен прибыть военно-морской корабль на тысячу коек, но это произойдет не раньше апреля. Говорят, места в нью-йоркских больницах закончатся уже через 45 дней.

Прошла всего неделя.

Я решил, что больше не буду слушать новости, потому что являюсь их источником.

Боже, как бы я хотел, чтобы ты была рядом!

В 2014 году одна из гипсовых розеток на потолке главного читального зала «Роуз»³⁵ Нью-Йоркской публичной библиотеки отвалилась и разбилась вдребезги. Во время ремонта решено было также осмотреть потолок соседнего каталожного зала Билла Бласса. Богато украшенный лепниной, потолок отреставрировали и проверили на прочность. Однако фреску-тромплей Джеймса Уолла Финна 1911 года, изображающую небо в облаках, восстановить не удалось, потому что она была слишком хрупкой. Мой отец потратил почти год на то, чтобы воссоздать старинную картину на холсте. Впоследствии изображение должны были закрепить на потолке так, чтобы в будущем его легко можно было снять и отреставрировать.

Установка полотна производилась в 2016 году, и мой отец руководил всей операцией. Будучи перфекционистом, он настоял на том, чтобы самому подняться по лестнице и показать, как следует расположить край холста вровень с позолоченными сатирами и херувимами на обрамляющем полотно резном потолке.

---

³⁵ Зал назван по фамилии благотворителей, выделивших в 1998 г. деньги на его реставрацию.

В тот день я поехала в Ист-Хэмптон – там располагался второй дом женщины, которая выставляла Матисса на аукцион «Сотбиса». Наш протокол требовал, чтобы сотрудник аукционного дома присутствовал при транспортировке картины. Поскольку меня только что повысили до младшего специалиста отдела продаж «Имп-мод», этим сотрудником стала я. Подобное задание не требовало больших умственных усилий. На служебной машине я должна была подъехать к дому нашей клиентки, встретиться там с транспортной компанией и нанести на распечатку картины все царапины, отслоения краски и подобные дефекты, прежде чем оригинал будет упакован. Я должна была также проследить сначала за тщательной упаковкой картины, затем за ее погрузкой в машину, после чего мне следовало вновь сесть в служебный автомобиль и вернуться в офис.

Однако все пошло наперекосяк. Клиентка сказала, что нас будет ждать ее домработница, но дома также оказался муж владелицы картины. Он понятия не имел, что его жена продает Матисса, и был категорически против этой сделки. Он настаивал, чтобы я показала ему контракт, а когда я это сделала, сказал, что собирается позвонить своему адвокату. Вместо этого я предложила ему позвонить своей жене.

Все это время телефон не переставал вибрировать у меня в кармане.

Когда я наконец посмотрела на экран, то увидела, что мне звонят с какого-то незнакомого номера.

Диана О’Тул?

Это Маргарет Ву из Маунт-Синая...

Боюсь, с вашим отцом произошел несчастный случай.

Словно во сне, я покинула дом в Ист-Хэмптоне и, пройдя мимо продолжающего беседовать по телефону со своим адвокатом мужчины и рабочих, ждущих моей отмашки для погрузки картины, села в служебную машину и велела водителю отвезти меня к медицинскому комплексу Маунт-Синай. Я позвонила Финну, с которым встречалась уже несколько месяцев, и объяснила ему ситуацию. Он сказал, что приедет прямо в больницу.

Мой отец упал с лестницы и ударился головой, вследствие чего произошло кровоизлияние в мозг. Его тут же доставили в больницу и отправили на операционный стол. Я хотела быть рядом, держать его за руку. Я хотела сказать ему, что все будет хорошо. Я хотела, чтобы мое лицо было первым, что он увидит, отойдя от наркоза.

На Лонг-Айленде, как всегда в это время, были чудовищные пробки. Обливаясь слезами на заднем сиденье лимузина, я решила заключить с высшей силой сделку: я отдам все на свете за то, чтобы оказаться в больнице прежде, чем мой отец придет в себя.

Финн встретил меня на пороге больницы, прямо у раздвижных стеклянных дверей, – я тут же все поняла. Я поняла, что произошло, по выражению его лица и по тому, как быстро и крепко он меня обнял.

– Ты ничем не могла ему помочь, – прошептал он.

Так я узнала, что мир может измениться в считанные секунды, что жизнь – не абсолют, а вечное пари.

Мне разрешили посмотреть на тело моего отца. Какая-то добрая душа обмотала его голову марлей. Казалось, он просто спит, и я взяла его за руку. Она была ледяной, словно марморная скамья зимой, на которой вы ни за что не просидите дольше пары секунд, как бы ни болели ваши ноги. Я подумала о том, как, должно быть, сжалось его сердце, когда он потерял равновесие. Я подумала о том, было ли последним, что он видел в своей жизни, нарисованное им самим небо?..

Финн крепко держал меня за руку, пока я подписывала документы, стеклянным взглядом смотрела на сотрудников похоронного бюро и отвечала на их вопросы, не понимая, что говорю. Наконец медсестра протянула мне пластиковый пакет с логотипом больницы. Внутри

лежал бумажник отца, его очки и обручальное кольцо. Индивидуальность, пронизательность и любовь – три вещи, которые мы оставляем после себя.

Мы сели в такси и поехали домой. Финн обнял меня одной рукой, я же продолжала прижимать к груди пакет с папиными вещами. Затем я полезла в свою сумочку, достала телефон и нашла последнее полученное от отца сообщение. Он отправил его два дня назад.

Ты занята?

Я не ответила. Потому что была занята. Потому что в выходные решила заехать к нему на ужин. Потому что ему частенько хотелось поболтать в разгар рабочего дня, когда я не могла присесть – не то что ответить на звонок. Потому что в моем списке было очень много гораздо более важных дел.

Потому что я никогда не думала, что у меня не будет времени ответить. История нашей жизни представляла собой не разделенные знаками препинания короткие предложения, а не пространственные описания, не имеющие почти никакого отношения к основному сюжету.

Ты занята?

Нет, – написала я в ответ, а когда нажала «Отправить», то разрыдалась.

Финн полез в карман куртки за носовым платком, однако платка там не оказалось. Я сунула руку в карман своего пальто и достала оттуда распечатку картины Матисса, за упаковкой которой должна была проследить сегодня утром, тысячу лет назад. Я тупо уставилась на обведенные красными кругами царапины и сколы на раме, трещины на холсте, как будто они имели хоть какое-то значение.

Как будто у кого-то из нас нет на душе невидимых шрамов.

Дорогой Финн!

Что ж, здесь по-прежнему очень красиво, и я по-прежнему единственный турист на всем острове. По утрам я бегаю или гуляю, но днем на Исабеле объявлен комендантский час. Подобные меры кажутся излишними, ведь мы и так полностью изолированы от внешнего мира.

Иногда я встречаю морского льва или сажусь на скамейку рядом с игуаной. Меня просто поражает тот факт, что нас не разделяет стена или перегородка и при этом я не чувствую никакой угрозы. Животные первыми населили этот остров, и в каком-то смысле они все еще господствуют над людьми, с которыми теперь делят это пространство. Интересно, каково это – не одной восхищаться местной фауной. Ведь островитяне к ней привыкли. Выходит, теперь ее аудитория уменьшилась до одной-единственной женщины, то есть меня.

Правнучка хозяйки моей квартиры говорит по-английски. Она подросток. Разговоры с ней помогают мне не чувствовать себя одинокой. Надеюсь, на нее они действуют так же.

Время от времени телефон ловит сигнал сети, и я получаю очередное твое письмо. Прямо как подарок на Рождество.

Получаешь ли ты мои открытки?

С любовью, Диана

На следующее утро Беатрис вновь показывается на пляже с мешком для мусора в руках – одинокий борец за экологию. Я уже поджидаю ее, сидя на берегу и возводя замок из мокрого песка.

Краем глаза я замечаю девочку, но вида не подаю. Я чувствую на себе ее взгляд: она наблюдает, как я беру пригоршню мокрого песка и позволяю ему стечь сквозь пальцы, создавая очередную остроконечную башенку.

– Чем это вы занимаетесь? – спрашивает Беатрис.

– А на что это похоже?

– На замок точно не похоже, – смеется она.

– Ты права. – Я тянусь к ее пластиковому пакету. – Не возражаешь?

Беатрис протягивает мне мешок для мусора. Помимо пластиковых бутылок из-под воды с китайских рыболовных судов, там лежат проволочные зажимы для пакетов, увитая морскими водорослями сетчатая ткань, кусочки фольги, а также порванный шлепанец, зеленые пластиковые бутылки из-под газировки, красные пластиковые стаканчики. На самом дне я обнаруживаю ярко-синюю сетку от апельсина и шип от крышки. Из всего этого добра я делаю флаги, ров и подъемный мост для моего замка.

– Это мусор. – Скрестив ноги, Беатрис садится рядом со мной.

Я пожимаю плечами:

– Мусор для одного – это искусство для другого. Есть такой корейский художник Чхве Чжон Хва, который создает свои инсталляции из переработанных отходов. Он сделал огромную рыбу из пластиковых пакетов... и построил здание из выброшенных на свалку дверей. А один немец ХА Шульц создал из мусора целую толпу людей в натуральную величину.

– Я никогда не слышала ни об одном из них, – говорит Беатрис.

Я снимаю ремешок со шлепанца и делаю из него арку.

– А что насчет Жоана Миро? – спрашиваю я. – Последние годы жизни он провел на Майорке и каждое утро гулял по пляжу, собирая мусор, как и ты. Но только потом делал из него скульптуры.

– Откуда вы вообще это знаете? – интересуется она.

– Это моя работа, – отвечаю я. – Я занимаюсь искусством.

– В смысле, типа рисуете?

– Нет, я давненько не брала кисти в руки, – признаюсь я девочке. – Я работаю в аукционном доме. Помогаю людям продавать их коллекции произведений искусства.

Лицо Беатрис внезапно проясняется.

– Вы тот человек, который говорит: «Итак, стартовая цена один доллар, кто даст два доллара?» Да?

Я улыбаюсь; пародия на аукциониста получилась отличной.

– Нет, я вроде как на подпевках. Аукционисты – своего рода рок-звезды нашей индустрии. – Я наблюдаю за тем, как Беатрис выстилает ров моего замка крошечными ракушками. – Есть один британский аукционист, которого все просто обожают, – Найлз Баркли. На аукционах я обычно представляю коллекционеров, которые физически не могут присутствовать на мероприятии, и делаю ставки от их имени. Но однажды меня попросили стать помощницей Найлза. Я стояла рядом с ним и отмечала продажную цену товара в информационном листе, как только озвучивались окончательные цифры, а после подавала ему следующий информационный лист, с которого он зачитывал вслух. В один прекрасный момент наши пальцы соприкоснулись. – Я смеюсь, вспоминая тот случай. – Он произнес с потрясающим британским акцентом: «Спасибо, Донна». И хотя он назвал меня не тем именем, я подумала: «О боже, он почти угадал!»

– Вы сказали, у вас есть парень.

– Так и было. В смысле, так и есть, – поправляю себя я. – Мы с ним решили позволить друг другу одно невинное увлечение. У меня это Найлз Баркли, а у него – Джессика Альба. Но никто из нас так и не замутил со своим кумиром. – Я смотрю Беатрис прямо в глаза. – А что насчет тебя?

– Что насчет меня?

– У тебя есть парень?

Она краснеет и качает головой, похлопывая рукой по песку.

– Кстати, я отправила вашу открытку, – говорит девочка.

– Спасибо.

– Я могла бы иногда заглядывать, если хотите, – предлагает Беатрис. – В смысле, я могу время от времени приходить к вам домой и забирать открытки, если надумаете отправить еще парочку.

Я смотрю на нее, пытаюсь понять: предлагает она мне помощь или просит о ней сама?

– Было бы здорово, – осторожно отвечаю я.

Какое-то время мы молча строим замок: формируем бугристые дорожки, опоры и различные пристройки. Когда Беатрис в очередной раз тянется к мешку для мусора, рукав ее толстовки приподнимается на пару дюймов. Прошло уже несколько дней с нашей встречи в Конча-де-Перла. Тонкие красные линии почти исчезли, как следы половодья после отступившего наводнения.

– Зачем ты это делаешь? – тихонько спрашиваю я.

Я боюсь, что она сейчас вскочит и убежит, однако вместо этого Беатрис продолжает большим пальцем ковырять ямку в песке.

– Потому что только эта боль имеет значение, – наконец отвечает она, слегка отодвигается от меня и принимается соединять между собой проволочные зажимы для пакетов.

– Беатрис... – начинаю я, – если хочешь...

– Если уж создавать вещи из мусора, – перебивает она меня в попытке сменить тему разговора, – то лучше какие-нибудь полезные.

Я пытаюсь одним взглядом дать ей понять, что разговор о порезах еще не закончен, но затем отвожу глаза и бросаю небрежно:

– Например?

– Например, плот.

Беатрис берет листик и кладет его в наполненный водой ров. Но та быстро впитывается в песок, и кто-то из нас должен вновь наполнить ров водой.

– Куда бы ты на нем поплыла? – спрашиваю я.

– Куда угодно.

– Обратно в школу? – (Беатрис пожимает плечами.) – Большинство школьников были бы только рады внезапным каникулам.

– Я не похожа на других школьников, – отвечает она, добавляя желтые пластиковые волосы своему творению из проволочных зажимов, которое теперь становится похожим на человечка. – Быть здесь... все равно что двигаться назад, а не вперед.

Мне знакомо это чувство. Я ненавижу его. Но опять же, данные обстоятельства нам неподвластны.

– Может быть, стоит попытаться просто принять ситуацию? – осторожно предлагаю я.

Беатрис поднимает на меня глаза:

– А вы? Как долго вы собираетесь здесь оставаться?

– Пока мне не позволят покинуть остров.

– Вот именно, – отвечает Беатрис.

Ее слова заставляют меня понять, как важно иметь хоть какой-то выход. Знать, что это всего лишь интерлюдия и скоро я вернусь домой к Финну, к своей работе, к своему жизненному плану, разработанному мной как раз в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет. Между осознанием того, что это лишь временные трудности, и незнанием того, что будет дальше, – огромная разница.

Все дело в контроле или, по крайней мере, в его иллюзии.

Только эта боль имеет значение.

Беатрис ставит своего человечка на вершину замка – окруженного глубоким ровом здания без окон и дверей.

– Принцесса, заточенная в башне? – предполагаю я. – В ожидании, когда ее спасут?

– Сказки – это чушь собачья! – качает головой Беатрис. – Она в буквальном смысле сделана из мусора и застряла в этой башне совсем одна.

Ногтем я вырезаю в замке заднюю дверь. Затем наматываю немного водорослей на пластиковую ложку, заворачиваю ее в конфетную обертку и ставлю свою фигурку рядом с человечком Беатрис – гость, сообщник, друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.